

18+

ТЕМ, КОГО ЛЮБИШЬ,
НЕ ЛГИ,
ЧТОБЫ И ТЕБЯ
НЕ ОБМАНУЛИ ОНИ.

КРЕДО ВИККАНКИ

ЗНАКИ И ЗНАМЕНΙΑ

МАРА ВУЛЬФ

Мара Вульф
Кредо викканки.
Знаки и знамения
Серия «Young Adult. Немецкие
фэнтези-бестселлеры Мары Вульф»
Серия «Кредо викканки», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70320352

Мара Вульф. Кредо викканки. Знаки и знамения: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-199503-4

Аннотация

Меня зовут Валеа Пател, и я викканка. Моя магия словно тлеющий уголек, иначе люди давно бы меня линчевали.

В прошлом все было иначе. Дом, любящие родители. Пока двенадцать лет назад их не убили. Страх преследовал меня с той роковой ночи, но я поклялась вернуться на родину и узнать правду. Я выжила. И больше не боюсь собственной тени.

Когда умирает еще одна викканка, мой дед, викканский верховный жрец, просит меня вернуться в Ардял. У меня редкий дар – видеть воспоминания живых и даже мертвых. Но оправдаю ли я надежды своего ковена, ведь никому не под силу изменить прошлое?

Бушует вековая война виккан, стригоев и королевы ведьм.
И противостояние прекратится лишь в тот час, когда все народы,
кроме одного, будут уничтожены...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	38
Глава 3	61
Глава 4	90
Глава 5	126
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Мара Вульф

Кредо викканки.

Знаки и знамения

Marah Woolf

WiccaCreed – Zeichen & Omen

Copyright © 2023 by Marah Woolf (www.marahwoolf.com),
represented by AVA international GmbH, Germany (www.ava-international.de).

Originally published 2023 by Marah Woolf, Germany.

© Офицера И., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

К ШЕСТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

*ДЖОЗИ, НАНЕ, АНКЕ, ДАНИЭЛЕ, НИКОЛЬ,
ЭЛЕ И ТАНЕ —*

*ВЫ ЛУЧШИЕ ПОМОЩНИЦЫ В МИРЕ, И КАК
ЖЕ Я РАДА, ЧТО ВЫ У МЕНЯ ЕСТЬ.*

** * **

*ЛЮДИ ВЕРЯТ,
ЧТО МАГИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.
И ЛИШЬ БЛАГОДАРЯ ЭТОЙ УВЕРЕННОСТИ
СПОКОЙНО СПЯТ ПО НОЧАМ.*

** * **

REDE OF THE WICCAE

Being known as the counsel of the Wise Ones:

Bide the Wiccan Laws ye must In Perfect Love and
Perfect Trust.

Live an' let live – Fairly take an' fairly give.

Cast the Circle thrice about To keep all evil spirits out.

To bind the spell every time – Let the spell be spake in
rhyme.

Soft of eye an' light of touch – Speak little, listen much.

Deosil go by the waxing Moon – Sing and dance the

Wiccan rune.

Widdershins go when the Moon doth wane,
An' the Werewolf howls by the dread Wolfsbane.

When the Lady's Moon is new, Kiss thy hand to Her
times two.

When the Moon rides at Her peak Then your heart's
desire seek.

Heed the Northwind's mighty gale – Lock the door and
drop the sail.

When the wind comes from the South, Love will kiss
thee on the mouth.

When the wind blows from the East, Expect the new and
set the feast.

When the West wind blows o'er thee, Departed spirits
restless be.

Nine woods in the Cauldron go – Burn them quick an'
burn them slow.

Elder be ye Lady's tree – Burn it not or cursed ye'll be.

When the Wheel begins to turn – Let the Beltane fires
burn.

When the Wheel has turned a Yule, Light the Log an'
let Pan rule.

Heed ye flower bush an' tree – By the Lady Blessèd Be.

Where the rippling waters go Cast a stone an' truth ye'll
know.

When ye have need, Hearken not to others greed.

With the fool no season spend Or be counted as his
friend.

Merry meet an' merry part – Bright the cheeks an' warm

the heart.

Mind the Threefold Law ye should – Three times bad
an' three times good.

When misfortune is enow, Wear the Blue Star on thy
brow.

True in love ever be Unless thy lover's false to thee.

Eight words ye Wiccan Rede fulfill – An' it harm none,
Do what ye will.¹

¹ Оригинальный текст Викканского Наставления, основной догмат Викки. Можно назвать его «золотым правилом» викканцев. В конце романа дан перевод (*прим. ред.*)

Глава 1

АКВИНКУМ, СТОЛИЦА МУНТЕНИ ИИМБОЛК

Никто не знал, кто выжег давно выцветшую надпись на темных деревянных балках потертого прилавка «Мерлина». Однако легенда гласила, что это были члены печально известной студенческой ассоциации Аквинкума, столицы Мунтении. И всякий раз, когда мой взгляд падал на фразу «Магия исчезает, только когда на нее надевают оковы», в голову приходила мысль, что они почти достигли своей цели – изгнать из мира ту самую магию. Разумеется, люди не могли по-настоящему сковать магию, однако оказались поразительно искусны в умении преследовать, пытаться и убивать магических существ. К счастью для меня, моя магия больше походила на отчаянное мерцание готового погаснуть пламени, потому что в противном случае жители Аквинкума давно бы меня линчевали. И им плевать, что викканка никогда никому не причинит вреда. Для них магия – это магия, неважно, черная или белая. Они боялись ее, как дьявол боится святой воды, и кто мог бы их за это винить? В прошлом они слишком часто оказывались втянуты в войны ведьм, виккан и стригоев. Я смирилась с тем, что у меня почти нет магии, так как нельзя тосковать по тому, чего у тебя никогда не было, однако сейчас отчаянно хотела владеть чарами тишины, чтобы хоть на мгновение заглушить шум вокруг. Казалось, что голова вот-вот взорвется. Запах пота и несвежего пива мучил мое обоняние, а едкий табачный дым затуманивал зрение. После нескольких часов в этой вонючей таверне

мои чуткие органы чувств просто сходили с ума.

С облегчением поставив тяжелый поднос на стойку, я постаралась дышать так, чтобы чувствовать как можно меньше запахов. Бездарная затея. Ткань платья липла к спине, а руки тряслись от тяжести, которые я с раннего вечера разносила, лавируя между столами и скамейками. От усталости у меня едва не подламывались ноги, а до окончания работы оставалось еще несколько часов. Я вытерла рукавом пот со лба.

Дамир подвинул в мою сторону новый полностью заставленный поднос:

– Давай, иди дальше. Спать будешь дома.

Хозяин «Мерлина» оперся руками о стойку и, прищурившись, взглянул на меня. Настоящий великан с татуировками на всех видимых, а возможно, и невидимых местах. Из-за жары на нем был только рваный кожаный жилет, а короткостриженные волосы он красил в белый цвет. В общем и целом его вид не особенно внушал доверие, но я рада, что три года назад он взял меня на работу без рекомендаций.

– Мне нужна всего лишь минута, – откликнулась я таким твердым голосом, на какой только была способна. – Сейчас пойду дальше.

Бурча что-то себе под нос, он поставил передо мной стакан воды:

– Когда ты в последний раз ела? И я имею в виду не ту горсть орехов.

Я нахмурилась, не понимая, почему Дамир беспокоится обо мне как о человеке.

– Вчера вроде бы. Была слишком занята.

Он покачал головой:

– Тебе нужно лучше о себе заботиться. Ты не можешь позволить себе пропускать работу, и я тоже не могу этого тебе позволить.

– Не бойся, – саркастично заявила я. – Я буду беречь себя, чтобы ты и дальше меня эксплуатировал. Потом куплю себе пару свежих блинчиков на те гроши, что ты мне платишь. – Если к тому моменту у меня еще останутся силы жевать. Потому что прямо сейчас я мечтала только о том, чтобы упасть в кровать и проспять ближайшие несколько лет. К сожалению, такой вариант не рассматривался.

– Ты всегда можешь дополнительно подзаработать. – В его голосе появилась загадочность. – Другие девочки так и делают. Достаточно одного твоего слова. Тобой интересовалось много гостей.

– Мой ответ тебе известен, и он всегда один и тот же. Забудь. – Сильнее всего мне хотелось выплеснуть кружку пива Дамиру в лицо. Никогда не позволю этим грязным мужикам меня лапать, и он прекрасно об этом знал. Но еще он знал, как мне нужны деньги, чтобы платить за аренду своей халупы. Тем не менее я не собиралась ни искать себе любовников в этом захудалом кабаке, ни брать за это деньги.

– Наша Валеа слишком тонченная для твоей клиенту-

ры, – раздался позади меня высокий голос. – Сколько еще ты будешь ее спрашивать?

Я развернулась к Иване, девушке, которая тоже работала в «Мерлине». На губах кроваво-алая помада, распущенные светлые волосы откинuty за спину. А ее невероятно облегающее платье практически не оставляло простора для воображения зрителей. Она обвела внимательным взглядом мою фигуру, которая резко контрастировала с ее выдающимися формами.

– Чаще ешь теплую пищу, особенно мясо. Иначе мужчинам не за что будет ухватиться.

– Вот и еще одна причина отказаться от мяса. – Я подтянула к себе поднос и напрягла мышцы на руках. Я бы сейчас многое отдала за возможность заставить его просто лететь по воздуху. – Кстати, я теперь умею варить яйца, – сказала я им обоим. – А это уже больше, чем было на прошлой неделе. – Этот глупый спор обеспечил мне еще одну крошечную передышку.

Раскатистый смех Дамира ненадолго заглушил шум посетителей.

– Ты тренировалась. Какая умница.

– Ты же меня знаешь, если я что-то вбила себе в голову, то обязательно этого добьюсь.

Большая часть яиц лопнула, и в конце концов белок комками плавал в кипящей воде, так что я вылила все в ужасную канализацию возле своей халупы, где этим полакомилась па-

рочка крыс. Это было отвратительно и означало конец моей изначально обреченной на провал карьеры повара. Но им обоим об этом знать необязательно.

– Я могу тебе что-нибудь приготовить, – с усмешкой предложила Ивана. – Если в обмен ты погадаешь мне по руке.

Ее еда не намного лучше моей, но я все равно кивнула. Хиромантия – безобидное искусство, которому даже люди не придавали особого значения, если не начинало сбываться слишком много пророчеств. Не то чтобы я считала себя опытным хиромантом, но ради горячей пищи собираю в кучу все свои немногочисленные знания.

Покачивая бедрами, Ивана развернулась и ушла танцующей походкой. В другом мире мы могли бы стать подругами. Так же как и я, она одна на этом свете, без семьи, которая могла бы о ней позаботиться. Это обстоятельство сделало ее безрассудной и расчетливой. Вероятно, однажды я закончу точно так же, если мне придется остаться в Аквинкуме. Каждый день казался настоящей борьбой, а для Ивана эта борьба была еще тяжелее.

– Она каждый раз надеется, что ты предскажешь появление мужчины, который завалит ее деньгами и не будет таким неудачником, как отец ее сына. Но этого никогда не случится, – проворчал Дамир. – Она шлюха, и я не стану долго терпеть это фиглярство.

Я прекрасно знала, чего хочет Ивана: немного надежды в своей унылой жизни. Но хиромантия – это наука, а не кон-

церт по заявкам. В последний раз после гадания, которое ей явно не понравилось, вечером она подставила мне подножку, и я упала лицом вниз с полным подносом в руках. Стоимость тех напитков Дамир удержал из моей зарплаты, а все лишь потому, что я не разглядела в линиях ее ладони принципа, о котором она мечтала и в котором так нуждалась. Люди не понимали, что за свое счастье они ответственны сами.

Я взяла поднос, чтобы вернуться к работе, как вдруг вздрогнула от грубого прикосновения к груди. Поднос с грохотом опустился обратно на барную стойку, и один из стаканов упал. Пиво перелилось через деревянный бортик и потекло по юбке моего платья. Я резко развернулась. Патлатый мужчина с ввалившимися щеками и серой кожей непристойно ухмыльнулся.

– Если вам дорога жизнь, уберите от нее руки.

Мягкий и вместе с тем властный приказ поступил с запозданием, потому что я уже схватила стакан с пивом и выплеснула содержимое прямо в лицо нахалу. Остальные гости разразились громким хохотом. Меня уже не в первый раз домогались. Дамир никогда за нас не заступался, так что я быстро сообразила, что главное – не показывать страха. Мой обидчик вытер терпкую жидкость со щек, поднял обе руки и отошел назад. В глазах, потускневших от чрезмерного употребления колдовских грибов, пылал злобный огонь. Впрочем, он не из-за меня так быстро отступил, а из-за того, кто озвучил угрозу и чье присутствие я даже слишком отчетли-

во ощущала у себя за спиной. Его прохладное свежее дыхание касалось моего затылка, вызывая мурашки, оно дарило приятное облегчение от жары в зале. Я повернулась, подняла голову, и у меня перехватило дыхание. На его идеально очерченных губах играла улыбка. Их хозяин как будто услышал, что мое сердце пропустило удар, и его улыбка стала еще шире, после чего он вежливо поклонился. Мужчине передо мной не могло быть больше двадцати пяти или двадцати девяти лет, и он был значительно выше меня. Мой взгляд скользнул по прямому носу, волевому подбородку и вернулся к его рту. Кожа выглядела бледной и почти неестественно ровной. В тусклом свете мне не удавалось определить оттенок его глаз, но волосы блестели черным цветом, как полированное эбеновое дерево. Он спокойно воспринял то, что я его разглядывала, и смотрел на меня в ответ сквозь длинные густые ресницы. На нем был черный плащ из тонкой ткани и белая рубашка с рюшами на воротнике, из-за чего в этой захудалой таверне он смотрелся совершенно неуместно. Мускулистые ноги обтягивали черные брюки, сапоги в тон были начищены до блеска. Весь его внешний вид впечатлял, однако лицо отличалось непревзойденной красотой. Я вздрогнула, уловив едва сдерживаемую первобытную дикость в его отрывистых движениях, когда он подошел ко мне ближе и наклонил голову. Если бы у меня еще оставались сомнения насчет того, кто он такой, то они бы развеялись, стоило мне вдохнуть его запах. Я почувствовала хвою, черную землю, а

под ними – тонкую металлическую нотку крови. Этот мужчина однозначно являлся стригоем, и самым разумным сейчас было бы испугаться и позвать на помощь. Будь я обычным человеком, так бы и поступила. Но я викканка, и я его не боялась. Он не станет пить мою кровь, потому что стригоям запрещалось пить из викканок или ведьм, и если они не страдали от кровавого помешательства, то соблюдали этот закон. Мужчина же не демонстрировал ни единого признака этой страшной болезни. У него не дрожали руки, не было отрывистого дыхания, а глаза не светились, как горящие угли. Наоборот, это ему следовало бояться. Если кто-нибудь из людей в таверне его узнает или хотя бы предположит, что он кровопийца, его просто линчуют.

Впрочем, мужчина, похоже, совершенно не испытывал страха.

– Он сделал вам больно? – спросил он с каменным лицом, но обеспокоенным тоном. Обо мне уже так давно по-настоящему никто не беспокоился, что осознание этого сотворило со мной что-то странное. Мне вдруг захотелось, чтобы больше не нужно было каждый день бороться. Захотелось иметь рядом кого-то, кто бы нес груз моей жизни вместе со мной. – Если да, то я его убью, – добавил он так спокойно, как будто приглашал меня на чай.

Я отогнала наивные мысли. Здесь за меня никто не боролся.

– В этом нет необходимости, – вежливо отказалась я. –

Мне не нужен рыцарь, который убивает ради меня драконов.

Как и кровопролитие в таверне посреди Аквинкума. Нельзя так на него пялиться, но отвести взгляд оказалось практически невозможно. Шум таверны отошел на второй план. Распущенные волосы ниспадали ему на плечи. Они выглядели растрепанными, словно он сражался с ветром, который не давал ему переступить порог «Мерлина». Лучше бы он послушался ветра. Лучше для меня. Он – часть Ардяла, страны за стеной тумана, в которую ушли магические существа из этого мира после последней крупной войны. Там больше не было обычных людей, за исключением, наверное, странствующего народа. Это страна, за которую веками сражались стригои, виккане и ведьмы. Это страна, которая была моей родиной, пока в возрасте десяти лет мне не пришлось ее покинуть по приказу моего дедушки, викканского верховного жреца. Он велел увезти меня, чтобы защитить. Чтобы позволить мне жить нормальной жизнью, что бы это ни значило, когда теряешь свои корни. Раз в год, на мой день рождения, я могла с ним связаться. В остальное время контактировать с ним дозволялось только в экстренных ситуациях. До сих пор такой необходимости не возникало, поскольку тоска и одиночество экстренными ситуациями не считались. Если бы в моем жилище регулярно не появлялись книги из Ардяла, то в какой-то момент я бы, наверно, подумала, что просто придумала свое происхождение. А так существовала хотя бы крошечная связь, пускай и тоненькая, как нить паутинки.

– Если бы я был рыцарем, вы бы стали моей принцессой. – Он улыбнулся, и воздух вокруг нас вдруг как будто заискрился. Этот мужчина во много раз опаснее того, который только что меня домогался, так как с его приемами не справится ни оружие, ни магия.

Я с трудом собрала волю в кулак и тут же поймала жадный взгляд Дамира. Наверное, он надеялся, что на этот раз я проявлю слабость и он получит свою долю. Насчет слабости Дамир не так уж и не прав, однако мужчине напротив меня вряд ли нужно было платить женщинам за услуги. А мне нужно вернуться к работе и не позволять всяким незнакомцам сбивать меня с толку. Это недостойно.

– Вы видите здесь где-нибудь корону?

Мой взгляд спустился с путающего мои мысли лица к воротничку рубашки. Две расстегнутые верхние кнопки открывали моему взору жилистую шею и часть грудной клетки. Желание дотронуться до него там стало просто невыносимым. Вот вам и все мое достоинство, оно прямо сейчас рассыпалось на грязный пол. Я почти беззвучно вздохнула. В двадцать два года у меня были вполне естественные потребности, и я ни в коем случае не запрещала себе их удовлетворять, тем более что Великая Богиня относилась к слиянию мужчины с женщиной далеко не так ханжески, как люди. Страсть – это часть нас, которую не стоит скрывать. Поэтому время от времени я выбирала себе партнера на ночь в чуть более чистых районах города. Я бы никогда не преда-

лась удовлетворению этой потребности в «Мерлине», и то, что она дала о себе знать сейчас, абсолютно не помогало. Именно сейчас, под понимающим взглядом стригоя.

Потом я заметила Ивану, которая стояла с открытым ртом возле одного из столиков, пожирая мужчину взглядом. Это плохо.

– Я мог бы раздобыть корону, – сказал он, и его улыбка стала почти дьявольской. – Скажите только слово.

Я покачала головой, чтобы избавиться от смущения.

– Лучше вам отсюда исчезнуть, – посоветовала я ему хриплым голосом. Обычно я намного остроумнее. Видимо, дело в усталости. – Наверное, вы просто заблудились.

Он не вписывался в это заведение потерянных душ. Ничто в нем не излучало отчаяние, которое окружало остальных клиентов и в последние несколько недель пыталось проникнуть в меня. До сих пор. До этого момента. Прямо сейчас, невзирая на усталость, я чувствовала себя более живой, чем в любой другой день прошедшей зимы, которая выдалась холодной и суровой. Но если Ивана подойдет к нам и узнает его... О том, какая после этого разразится паника, лучше не думать. Прошлым летом в Аквинкум забрели два охваченных жадой крови стригоя. Их жестоко пытали и посадили на кол перед крепостью – после того как они убили и обескровили двенадцать человек.

– Я именно там, где хочу быть. И если бы мог, пришел бы гораздо раньше. – Его голос звучал мягко, но с хрипот-

цой, говорящей о чувствах, которые могли быть лишь плодом разыгравшегося воображения.

Нужно убраться от него подальше, иначе испытаю еще больший соблазн смотреть на него до конца ночи. Или разговаривать с ним, прикасаться к нему. Однако сильнее всего хотелось остаться с ним и попросить рассказать мне о доме. О густых лесах, горах, бескрайних небесах. Меня накрыла неодолимая тоска, и на мгновение я почувствовала, будто снова стою среди изломанных скал, прижимаюсь к стволу древнего дерева и бегаю с братом по двору, где жила вместе со своей семьей. Нас преследовал собачий лай, и я вдруг так отчетливо слышала обеспокоенные окрики мамы, словно она стояла прямо рядом со мной. Я моргнула, чтобы избавиться от этих образов. Сейчас не время и не место предаваться воспоминаниям. Взгляд собеседника изучал меня с таким спокойствием, как будто он видел то же, что и я. Я быстро шагнула назад и неожиданно оступилась. Он тут же протянул руку, однако не тронул меня, поскольку я покачала головой. Не потому, что боялась его, а потому, что опасалась того, что случится с моим самообладанием от малейшего прикосновения.

Дамир на другом конце барной стойки протирает и так чистые пивные краны, прислушивался к нашему странному разговору, но не вмешивался.

- Что вам предложить? – спросила я, взяв себя в руки.
- Чай, пожалуйста. С молоком и без сахара.

– Чай? Серьезно? – а я ставила на крепкое красное вино. – Может, еще что-нибудь из выпечки? – В «Мерлине» было пять разных сортов пива, домашний джин и очень плохое вино.

– Нет, благодарю. Не хочется, – ответил незнакомец и облизнул чувственные губы. – Пирогов, по крайней мере.

Я закатила глаза и наконец снова полностью стала собой. С глупыми подкатами я справляться умела.

– А я ожидала чуть больше изысканности.

Его сдержанная усмешка отразилась внутри меня вибрацией и сотворила какие-то странные вещи с моим желудком. Мужчина ничуть не оскорбился из-за отказа, потому что этой фразой просто хотел помочь мне расслабиться. А когда еще и подмигнул мне, я с улыбкой покачала головой.

Дамир налил стакан воды и поставил его на барную стойку, громко стукнув по столешнице. Мутная жидкость брызнула на рукав безупречной рубашки.

– Травы можете собирать на улице. – Не в его стиле так грубо обращаться с клиентами, но он надеялся на куда более выгодную сделку. А теперь понял, что шанс испарился. – Дайте девушке нормально работать.

– Большое спасибо, – невозмутимо ответил стригой.

– Ну, тогда я пойду, – сказала я. – И хотя в этом не было необходимости, спасибо. – Нечасто за меня кто-то заступался. Вообще-то никогда.

– Рад был помочь. – Он слегка наклонил голову на про-

щение.

Сделав над собой усилие, я отвернулась, но мои мысли и дальше продолжали вращаться вокруг незнакомца. Что он здесь забыл? «Мерлин» – неподходящее место для поиска того, кого можно укусить. Люди, как правило, считали, что стригои пьют кровь и обращают своих жертв без разбора. Но это не так. Они тщательно выбирают свои источники, а доноры должны предложить себя добровольно. И при этом не страдать зависимостью от грибов или алкоголя. Только в кровавом помешательстве стригои убивали хаотично, как те два кровопийцы летом. По дошедшим до Аквинкума слухам, эта болезнь поражала все больше и больше стригоев. Большинство магических существ соблюдали условия договора с людьми и оставались за туманной завесой в Ардяле. Помешавшиеся же стригои не оставляли попыток прорваться. Многие отправлялось служить на границу, чтобы там сразу их останавливать. Получалось не всегда.

Я вернулась к работе и сама не могла поверить в собственное благоразумие. Впервые за более чем двенадцать лет я встретила существо со своей родины и сдержала клятву, данную когда-то в детстве: никому не рассказывать, что я викканка. Дедушка мог бы мной гордиться, однако мне было невероятно сложно снова не подойти к стригою.

Весь следующий час я собирала кружки, оттирала липкие пивные следы с деревянных столов и стульев и выпроваживала гостей. Только после того, как все было сделано, я огля-

делась вокруг и потеряла усталые глаза. Он исчез. Сожаление по этому поводу оказалось неожиданностью для меня самой, хотя я редко заводила знакомства. Мне лучше оставаться одной. Одиночество мне знакомо. Если держишься особняком, то никого и не потеряешь. Очень простое математическое уравнение, потому что один минус один равнялось нулю. В прошлом все было иначе. Тогда у меня была семья. Но это «прошлое» давно ушло в прошлое. Меня пугала потребность, которую пробудила во мне короткая встреча со стригом. Я считала или, лучше сказать, надеялась, что смирилась со своей судьбой. Очевидно, это оказалось не так.

– Увидимся послезавтра, – попрощалась я с Дамиром.

– Не забудь про блины. – Он сунул мне в руку жалкое жалованье. – И тебе срочно нужно на солнце, ты слишком бледная. Со стригом можно перепутать, – бесцеремонно буркнул хозяин заведения.

У меня вырвался удивленный смешок. Сказал бы он это громко и при свидетелях, эти слова могли бы стать моим смертным приговором.

– Обязательно, – пообещала я, однако Дамир уже отвернулся и отошел.

Совершенно вымотанная, я толкнула деревянную дверь, которая вела в вонючий переулок. Ноги болели, глаза горели, и больше всего мне хотелось уснуть стоя. Дрожа всем телом, я шагнула в темноту и лютый холод. Мне предстояло пройти пешком целую милю. Если бы я не зависела от зарплаты, то

давно бы бросила эту работу. Но за вторую работу в библиотеке Аквинкума платили еще хуже, а мне нужны деньги. Я надеялась, что однажды смогу учиться в университете, и откладывала на это каждый геллер. Если дедушка не разрешит мне вернуться в Ардял, то понадобится план Б. Я никогда не соглашусь на судьбу, в которой нет ни единого лучика света. Недавно Ивана уходила с клиентом. Она всего на два года старше меня, но, когда она махнула мне рукой на прощание, безнадега в ее глазах ранила меня до глубины души.

Тяжелая дверь захлопнулась, а я слишком поздно различила три силуэта в центре переулка. В слабом свете, который падал с главной улицы, не удавалось понять, кто это: гости таверны или чужаки. Я устало прислонилась к стене в надежде, что они уйдут, не заметив меня. Тишину разорвал крик, который тут же стих.

– Если не будешь шуметь, все закончится очень быстро, – прохрипел мужской голос. – Не ломайся.

– Забери у нее деньги, и пусть валит отсюда, – произнес второй мужчина.

– Сначала я хочу немного развлечься, – заплетающимся языком заявил первый.

– Отпусти меня. – Невозможно было не услышать панику в голосе женщины, и только тогда я узнала ее. Ивана. Почему она еще здесь? – У меня нет денег.

Пьяный засмеялся.

– Мы не денег от тебя хотим. – Он придвинулся ближе к

ней. – Ты же обычно перед всеми ноги раздвигаешь.

– Если они платят, – огрызнулась Ивана.

Надо ей помочь. Может, она и продавала свое тело за деньги, чтобы прокормить сына, но это был ее выбор. А то, что происходило сейчас, – это чистое насилие, и я этого не допущу.

– Лапы прочь, грязные вы свиньи, и пошли отсюда, – велела я твердым голосом и бросилась к ним.

Мужчины резко развернулись. Тот, который прижался к Иване, оказался мужиком, который домогался меня в таверне, отметила я неприятный факт.

– Ты что, не выучил свой урок? – напустилась на него я. Нужно было вести себя дипломатичней. Вероятно, эти двое поджидали меня, чтобы отомстить за позор и отказ.

Ивана воспользовалась моментом, когда они оба отвлеклись, оттолкнула того, кто до сих пор слабо ее держал, и убежала прочь. Я в растерянности смотрела ей вслед, одновременно спрашивая себя, почему после стольких лет все еще питаю какие-то иллюзии насчет людей.

Незнакомый мужчина рассмеялся:

– А повеселиться с дикой кошкой гораздо интереснее, чем с трусливой курицей. Она буквально оставила тебя нам. Видимо, ты ей не особенно нравишься.

При этом он подкрадывался ко мне. Оба были пьяны и, судя по блеску в глазах, приняли свежие колдовские грибы. Наркотики раз за разом проникали из-за туманной завесы,

и многие подозревали, что их контрабандой ввозили в город офицеры, которые торговали с ведьмами на границе ради дополнительного заработка. Я замерзла, устала и хотела есть, а против двух мужчин у меня не было шансов. Но сдаться без боя я была не готова.

– Ты получила от меня два геллера, – заявил тот, что меня лапал, приближаясь ко мне. – Довольно большие чаевые для такой шлюхи, как ты, так что небольшая услуга взамен – это не так уж много.

– А я придерживаюсь другого мнения. Кроме того, тебе и так досталась бесплатная кружка пива, – парировала я, добавив в голос язвительности, которую только зря потратила на этих двоих.

Вернуться в таверну не получится, потому что с этой стороны на двери только ручка. В домах вдоль узкой улочки с этой стороны не было окон. Звать на помощь бесполезно, так как ночью за меня никто не вступится. Дамир выходом не пользовался – сразу поднимался в свою комнату над «Мерлином», а позади меня переулок заканчивался двухметровым забором. Вернется ли Ивана? На это я не рассчитывала. Оставались лишь собственные слабые силы. Я принципиально отвергала насилие, поскольку викканке запрещено накладывать чары, приносящие вред. Впрочем, тот, кто установил это правило, не мог знать, насколько уязвимы женщины в человеческом мире. С этой парочкой мне придется пойти против своих принципов, других вариантов нет. Мне придется

рискнуть и применить те крупницы магии, которыми обладала, а дальше надеяться, что эти двое слишком пьяны и одурманены, чтобы потом вспомнить об этом и кому-нибудь рассказать.

Я попятилась, чтобы заманить их в глубь переулка. Хватит ли у меня магии, чтобы оглушить обоих? Я никогда не использовала ее кому-то во вред. Чисто теоретически мне известно, как действует такое колдовство, но... Лодыжку пронзила жгучая боль, когда я споткнулась и подвернула ногу. Стон получилось сдержать, однако моя неудача не осталась незамеченной. Они победно оскалились. Меня затошнило. Второй смотрел на меня как ястреб, который собирался наброситься на мышь. Он выглядел более худым, чем мой сегодняшний обидчик, более мускулистым и – очевидный факт – более опасным. Мужчина схватил меня за руку.

– У меня четкие правила, – холодно произнесла я, чтобы дать им и себе последний шанс. – Смотреть можно, но трогать – нет.

– Но трогать гораздо веселее. – Он ухмыльнулся, обнажив гнилые коричневые зубы, и у него так жутко пахло изо рта, что меня замутило.

– Может быть, но веселье вам придется поискать в другом месте.

Я попыталась вырваться из его хватки, но мужчина еще сильнее впился пальцами в мою руку, наклонился вперед и уткнулся носом мне в волосы. Теперь и первый подошел бли-

же и снова отважился коснуться моей груди. Обычно в таких ситуациях разумнее всего действовать спокойно и осмысленно, но сейчас я не хотела быть разумной. Выбросив вперед свободную руку, я врезала ему в подбородок. От удара у него неприятно скрипнули зубы, а затем он взвыл. Эта выходка настолько его взбесила, что он бросился на меня и повалил на землю. У меня на мгновение потемнело в глазах, когда я упала на спину, и он выдавил весь воздух из моих легких. Мужчина оказался таким тяжелым, что я почти не могла шевелиться под его весом.

– Ты об этом пожалеешь, – прохрипел он, а второй захихикал.

– Покажи ей, брат, – подначивал его тот, когда первый приподнялся и одной рукой схватил меня за горло. Руки у него были влажными и липкими.

Я подавила рвотный позыв.

– Отпусти меня, – выдавила из себя я.

– Нет, пока мы с тобой не закончим. Я покажу тебе, кто здесь главный.

Он не оставил мне выбора. Этот мужчина – плохой человек, но я атаковала его оружием, против которого ему нечем было противостоять. Сосредоточившись, с облегчением почувствовала, как к ладоням хлынул жар. Когда я положила их ему на грудь, у него округлились глаза. В кончиках моих пальцев собралась энергия, а затем магия вырвалась быстрее, чем я ожидала, и отбросила мужчину от меня. Он про-

летел по воздуху, и сила чар впечатала его в стену. По переулку эхом разнесся звук ломающихся костей, после чего воцарилась полная тишина. Мои руки перестали светиться так же быстро, как вспыхнули. Я поспешила подняться на ноги. Со вторым придется сражаться традиционными средствами. Вся моя магия была израсходована.

– Ведьма, – прошипел он. – Ты ведьма. – В его тоне появилась затаенная угроза.

Надо помешать ему раструбить об этом на всю округу.

– Я не ведьма, – с нажимом сказала я.

Если каким-то чудом мне удастся сбежать, то в этот район мне путь заказан. Дамир не знает ни где я живу, ни о том, что еще работаю в библиотеке. Если повезет, эти двое никуда не доложат об инциденте. В противном случае завтра стражи прочешут в поисках меня весь город.

Мужчина медленно подбирался ко мне, состояние друга его, видимо, особенно не волновало.

– Можем заключить сделку. Я никому не расскажу, кто ты такая, а взамен ты окажешь мне услугу.

Я прекрасно могла себе представить, в чем будет заключаться эта услуга.

– Только через мой труп, – процедила я.

Он захихикал:

– Завтра он будет болтаться на виселице перед крепостью, после того как они с тобой разделаются. У тебя есть выбор. Я или палачи.

Когда этот тип приблизился и остановился вплотную ко мне, я еле сдержала рвотный позыв. Пожалуйста, мысленно умоляла я свою магию, однако она закончилась, а на перезарядку уйдет не один день. Ни единая искра не шевельнулась внутри.

– Значит, договорились. – Мужчина прижал меня к стене, но я, упершись в его грудь руками, отпихнула его в сторону и бросилась бежать, несмотря на боль в лодыжке.

Мне удалось уйти всего на пару метров, прежде чем он схватил меня за руку и дернул назад. Я снова упала на спину и начала отчаянно отбиваться руками и ногами. Противник лишь рассмеялся и вцепился в вырез моего платья. В тот момент, когда разорвалась ткань, я вдавила большие пальцы ему в глаза. Он взвыл, а потом внезапно на меня перестал давить его вес. Раздался такой грозный рык, от которого кровь застыла в жилах. Темный силуэт схватил нападавшего за горло и поднял высоко в воздух, как куклу. Я проворно отползла от них обоих.

– Если тебе дорога жизнь, убирайся отсюда и никогда больше тут не появляйся, – заявила появившаяся фигура ледяным голосом.

– Ты... ты... – заикаясь, выговорил мужчина, после того как рухнул на землю, и торопливо попытался встать на ноги.

– Я никто, – выдохнул мой спаситель. – Лучше тебе обо мне забыть.

– Забуду, – пролепетал этот тип, кое-как выпрямился и

убежал.

Мгновение спустя рядом со мной на коленях стоял стригой, причем я даже не заметила его движений. Он бережно убрал с моего лица длинную прядь рыжих волос, которая выбилась из косы. Потом прохладной ладонью коснулся моей щеки, и его запах окутал меня.

– Возможно, тебе все-таки нужен рыцарь, – тихо сказал мужчина. – С тобой все в порядке?

Я кивнула, изо всех сил борясь с искушением прижаться щекой к его руке. И секунду просто сидела на месте, радуясь, что ужас остался позади.

– Нам лучше уйти, – пробормотал стригой. – Полагаю, меня не так-то просто забыть.

Этот комментарий меня рассмешил. Он отодвинулся и помог мне подняться. Я смущенно смахнула грязь с платья.

– Спасибо. – Отрицать, что я нуждалась в его помощи, было бы ребячеством. – Уходи отсюда. Он доложит, что на него напал стригой. Теперь я тут и одна справлюсь. – Мне надо домой. Запереть двери и молиться Великой Богине, чтобы меня никто не искал.

Парень не сдвинулся с места.

– Часто с тобой такое случается? – вопрос прозвучал мягко, однако скрыть гнев в голосе у него не получилось. Гнев, направленный не на меня.

– Так плохо еще никогда не было. – Хромая, я направилась к типу, который все еще валялся без сознания, и убедил

лась, что он все еще жив. Стригой не отходил от меня ни на шаг. – Ты должен уйти, – настойчивей повторила я. – Он приведет городскую стражу. Совет выплачивает солидное вознаграждение за сообщение о магической активности, но оно становится еще больше – если указывают на стригоя.

Проигнорировав мое предостережение, тот подтолкнул сапогом безжизненную кучу тряпья. Послышался стон.

– Мне закончить начатое? – ледяной холод в его словах не оставлял сомнений в том, что он сделает, если я ему разрешу.

– Не думаю, что в ближайшее время он будет кому-нибудь досаждать. Не пачкай о него руки. – Я положила ладонь на свою саднящую шею. Уверена, завтра утром на ней и на руках будут синяки. Мне с трудом удалось подавить дрожь, а затем я поспешно захромала прочь в надежде, что стригой не последует за мной и ему в голову не придет какая-нибудь дурацкая идея. Смерть человека Великая Богиня мне не простит.

– Мне бы твою уверенность.

Мужчина со вздохом потер шею и зашагал вместе со мной к выходу из переулка, где я в нерешительности замерла. Надо спросить его, что он здесь делал. Почему оказался тут. Почему не заговорил о моей магии. Если он ее видел, то должен знать, что я викканка. Но может быть, для него это не имело значения.

– Мы больше не причиним вреда этому человеку, – тре-

бовательно заявила я. — То, что я сделала, и так было неправильно.

— Он причинил вред *тебе*. — Его взгляд скользнул с моего лица на шею и опустился к лодыжке.

— Я просто споткнулась. В этом он не виноват.

— Ты бы не споткнулась, если бы эти двое не устроили тут засаду, — настаивал стригой, и его неприкрытый гнев завибрировал в воздухе. — А с твоей стороны глупо разгуливать тут одной по ночам.

Он обвел глазами улицу. Практически ни одна из масляных ламп не горела, а ветер разносил по грязной от дождя земле помои, скопившиеся на стенах домов. По узким каналам зловонной канализации в поисках еды сновали крысы.

— Спасибо за нравоучения! — раздраженно откликнулась я.

— Не за что, хотя не думаю, что в будущем ты прекратишь это делать. — Его глаза вдруг словно загорелись. Парень заметил мою дрожь, мурашки на шее и в декольте. Одним плавным движением он снял с себя плащ и накинул его мне на плечи. Материал оказался теплым и мягким, и хотя мне не стоило его принимать, я не смогла заставить себя отказаться. Стригой аккуратно завязал плащ, и я вздрогнула, когда кончики его пальцев коснулись чувствительной кожи на горле. Он тут же сделал шаг назад. — Они хотели сделать с тобой нечто гораздо хуже.

— Но не сделали. Благодаря тебе.

Я ненавидела терять контроль над ситуацией. А еще больше ненавидела, когда меня при этом кто-то видел. И уж точно терпеть не могла жалость. Тем не менее я поплотнее укуталась в плащ и заметила, как у мужчины довольно дернулись уголки рта. Ткань пропиталась его запахом свежего воздуха, мшистой земли и сосновых иголок. Я осторожно вдохнула этот аромат. В голове вспыхнули образы, и на пару секунд я предалась немногочисленным воспоминаниям о своей прошлой жизни. У меня был дом, родители, брат и сестра, которые меня любили. Отец катался со мной на лошади по лесу и учил жить, питаясь растениями. Мама пела песни со мной и моей сестрой Лупой и успокаивала нас, когда что-то болело. По ночам мы с моим братом-близнецом Кириллом лежали в одной кровати и слушали папины рассказы об истории Ардяля. Я была счастлива. Сейчас же мне стало слишком часто казаться, что эти воспоминания принадлежали другой девочке. Девочке, которая умерла той ночью, когда королева ведьм убила ее семью. Я подняла глаза на стригоя, который внимательно за мной наблюдал.

– Мне следовало вмешаться раньше. – Его голос обволакивал мою кожу, как вода из горячего источника после долгой ночи.

– Тебе вообще не следовало ввязываться. Ты подверг себя ненужной опасности. – Я сделала шаг вперед и снова тихо охнула. Боль росла с каждой секундой.

Он аккуратно взял меня под руку, чтобы я оперлась на

него. Его вторая рука обвила мою талию, не слишком крепко, но уверенно. Вместо того чтобы оттолкнуть его, что было бы разумно, я прижалась к нему и позволила себе окунуться в ощущение безопасности. А потом стиснула зубы, отстранилась от него, и стригой меня отпустил. Осторожно делая шаг за шагом, я вышла на главную улицу. Он держался рядом, но больше меня не трогал.

– Тебе далеко идти? – его тон по-прежнему был дружеским, однако теперь в нем скрывалась сталь, с которой этот парень недавно угрожал мужчине в таверне. Акцент звучал мягко, но голос был низким. Не буду спрашивать его об Ардяле, потому что, если сделаю это, тоска по дому станет еще сильнее. – Я могу тебя донести, – предложил он.

– Не надо, – ответила я. – Справлюсь.

В его взгляде появилась непреклонность, и мне наконец-то удалось определить цвет его глаз. Янтарные радужки сверкали во мраке ночи, ярко, как костры Бельтайна², которые я помнила с детства.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты благополучно добралась до дома. Ты за меня не в ответе. – Он возмущенно нахмурился. Если сейчас кто-нибудь подойдет ко мне слишком близко, он оторвет ему голову. Неправильно чувствовать то, что я испытала в этот краткий миг, когда представила, что не од-

² Бельтайн – кельтский праздник начала лета, отмечается 1 мая; традиционной частью празднования является разжигание костров. (Здесь и далее прим. переводчика.)

на несую за себя ответственность. Чтобы прогнать это опьяняющее ощущение, я сухо рассмеялась. Несмотря на все мои усилия за последние несколько лет, я все еще чувствовала потребность в близости.

– Не люблю повторяться. Но я сама справлюсь.

– Не справишься. Не этой ночью. – Его тон стал мягким и вкрадчивым, в то время как глаза сузились до узких щелочек.

– Ничего подобного. – Я и сама понимала, как упрямо и глупо это звучало, но продолжала идти вперед.

Он не последовал за мной, и я запретила себе сожалеть о своем решении.

Глава 2

АКВИНКУМ, СТОЛИЦА МУНТЕНИИ ИМБОЛК

Я успела добраться лишь до угла улицы, как вдруг послышался шум. Сначала до меня донеслись рев и крики, затем вспыхнул свет факелов. Люди вышли на охоту. Тот тип нас выдал. Разумеется. А мне хотелось хотя бы на секунду поверить в другой исход.

Меня подняли на руки и прижали к железной груди.

– Позволь мне отнести тебя домой, сейчас самое время. – Его голос звучал спокойно и твердо. – Или предпочтешь остаться здесь? – мягкие губы скользнули по моему виску, от чего по венам растеклось жидкое пламя. Крики, рев и вопли приближались с двух сторон. Нос уловил серный запах факелов.

– Нам нужно вон туда. – Я указала ему дорогу, потому что не могла бросить его на произвол судьбы и сама не сбежала бы от толпы с вывихнутой лодыжкой. – А потом сразу в следующий переулок.

Он так стремительно и ловко двигался в тени домов, что мы быстро оторвались от погони. Обычно путь до моей лачуги занимал двадцать минут. Стригой преодолел то же расстояние максимум за пять, несмотря на то что нам не раз приходилось делать крюк, чтобы ускользнуть от преследователей, которые будто приближались со всех сторон. Я направляла его в тесные и вонючие проулки, однако он не сказал ни слова против. И хотя мне стоило бояться, страха я не чувствовала.

На улице, где я жила, было еще темнее и грязнее, чем там, где располагался «Мерлин». Перед дверью он опустил меня на землю. Я торопливо вытащила ключ из юбки и отперла замок. Мужчина нерешительно застыл на пороге.

– Они и сюда придут, – произнес он.

– Может быть, но тебя, скорее всего, будут искать в более богатых районах.

– Почему? – растерянно спросил стригой.

– Кровь там гораздо вкуснее, чем здесь.

– Сомневаюсь. – В темноте можно было только догадываться, что он ухмыльнулся.

Я схватила его за рубашку и попыталась затащить внутрь, пока его не увидел кто-нибудь из соседей. Особой защиты моя хижина, конечно, не даст, но все же это лучше, чем оставаться снаружи. Он не сдвинулся с места, и я его отпустила.

– Ты хочешь уйти?

Меня затопили одновременно облегчение и разочарование. Если стража выследит меня и обвинит в использовании магии, то можно будет все отрицать и надеяться, что мне поверят. Но если они обнаружат у меня стригоя, защищаться станет намного тяжелее. И тем не менее меня пугала мысль о том, что он уйдет. Я никогда больше с ним не увижусь, потому что этот мужчина, вероятно, погибнет.

– Я не оставляю тебя одну, – ответил он. – Но ты должна узнать мое имя, прежде чем пригласишь войти.

Я закатила глаза, чем вызвала у него еще одну улыбку.

– Раз ты так настаиваешь.

Стригой слегка наклонил голову.

– Меня зовут Николай. Николай Лазарь. – Он ни на секунду не сводил глаз с моего лица.

Стригой из Ардяла делились на семьи. Их было ровно семь, и каждую возглавлял свой магнат. Значит, он из могущественного и влиятельного рода Лазарей. Я попыталась вспомнить, что мне еще о них известно, но в голову ничего не приходило. В книгах, которые приходили от дедушки, рассказывалось в основном о древней истории Ардяла. Периодически он присылал мне гримуары нашей семьи, чтобы я тренировала свою магию, а еще книги по целительству.

– Валеа, – откликнулась я. – Валеа Греку.

Это ненастоящая фамилия. Дедушка дал мне ее, чтобы никто не узнал о моей принадлежности к ковену Пател. Ковену верховного жреца, который в прошлой войне защитил виккан от козней королевы ведьм и сорок лет назад вынудил ее капитулировать. За это она кроваво отомстила моей семье.

– Очень рад с тобой познакомиться, Валеа, – медленно произнес Николай и наконец вошел.

Выдохнув, я заперла замок и нащупала спички. Его пальцы опередили мои, и вскоре после этого на шкафчике возле двери загорелась свеча, заливая мое жилище теплым светом. Он не шевелился и внимательно изучал все, что его окружало. Крохотный домик состоял из единственного помещения

с тонкими, как бумага, стенами из глины и соломы. До сих пор я просто радовалась, что у меня есть место, где можно запереть дверь и спрятать за ставнями восходящее солнце, теперь же взглянула на свой дом чужими глазами. Холодный, сырой и убогий.

– Пойду разведу огонь. – Меня все еще трясло, но уже не столько от холода, сколько от страха. А его самого, кажется, совсем не пугало, что люди могли его убить. Впрочем, другие тоже совершали подобную ошибку.

– Ты сядешь, а я разожгу, – решил Николай и, прежде чем я успела возразить, снова поднял меня и устроил на кровати в углу комнаты. Матрас был набит свежей соломой, которую я поменяла только неделю назад. От нее все еще исходил приятный аромат. Может, это и убогая лачуга, но я всегда следила за чистотой и порядком. Стригой повернулся к печи, умелыми движениями разжег огонь и поставил воду, которую я натаскала с утра. – У тебя есть целебные травы для ноги? – просил он затем.

Я кивнула, встала, проигнорировав его хмурый взгляд, и зажгла еще несколько свечей. Хромая, собрала травы, которые облегчат боль в лодыжке и предотвратят дальнейший отек. К счастью, удалось найти немного зверобоя и подорожника. Моя мама была талантливой целительницей, но я, увы, не унаследовала ее талант. Тем немногим вещам, которые знала, я научилась по дедушкиным книгам. По крайней мере, луна сейчас растущая, это должно помочь в исцелении. Я

растерла травы в ступке и добавила масло гвоздики, а Николай налил горячую воду в ушат. Обычно после работы в таверне я старалась тщательно вымыться, чтобы избавиться от вони и грязи, правда, как правило, я находилась дома одна.

— Я не буду смотреть, — судя по всему, прочел мои мысли Николай, — и тебе это пойдет на пользу. Ты можешь мне доверять.

В этом не было логики, однако я действительно доверяла. И колебалась лишь секунду, потому что горячая вода, над которой поднимался пар, была очень заманчива. Я быстро сняла платье и нижнюю рубашку.

Он отошел к маленькому столику в углу и сел спиной ко мне. На столе лежала одна из библиотечных книг. Книги из Ардяла я прятала под половицей, чтобы на них случайно никто не наткнулся. Николай открыл первую страницу и будто бы погрузился в чтение. Но от него, вероятно, не ускользал ни один звук, даже от капель воды, стекающих по моей коже.

Я трижды тщательно намылилась кедровым мылом, пока не почувствовала, что точно смыла с себя все взгляды, грязь и запахи этой ночи. Потом распустила свои рыжие волосы и полоскала их, пока они, мокрые и блестящие, не рассыпались по моей спине. Я ни на секунду не забывала о его присутствии, хотя он сидел неподвижно, как статуя, и только время от времени перелистывал страницы. Если бы у меня еще оставались сомнения в том, кем он являлся, сейчас они бы окончательно развеялись. Ни одно живое существо не спо-

собно быть настолько застывшим. В голове мелькнул вопрос, сколько же лет ему на самом деле. Я аккуратно выбралась из ушата и вытерлась. Хотя Николай не двигался, мне казалось, что меня ласкал его взгляд. Обернув волосы полотенцем, я надела теплую ночную рубашку, которая закрывала тело от шеи до пят. Белая фланель истончилась от частой носки, но по-прежнему грела, хотя и выглядела ужасно старомодно. С маленькой кастрюлькой в руках я доковыляла до кровати. А едва села, рядом со мной появился стригой и забрал ее у меня.

– Позволь мне это сделать.

Прежде чем я успела возразить, он опустил на матрас, мягко взял мою раненую ногу, слегка приподнял ночную рубашку и провел прохладными пальцами по припухшему месту. Его большой палец круговыми движениями нежно погладил мою лодыжку, и это прикосновение отдалось во всем теле. Сердце забило быстрее, когда он начал втирать в кожу маслянистую травяную смесь. Стригой массировал мне ступню, щиколотку и икру. Подол ночной рубашки поднялся все выше. Никто из нас не проронил ни слова, хотя он не мог не почувствовать, как участилось мое дыхание. Прясть волос упала ему на лоб, когда стригой склонился над моей ногой.

– Болит? – нарушил тишину он.

Я приподнялась на матрасе и с трудом сдержала вздох.

– Терпимо.

Его размеренные движения казались одновременно непривычными и знакомыми. Я мысленно попросила Великую Богиню помочь в исцелении. По лодыжке распространился приятный холод, и боль утихла до тихой пульсации. С облегчением выдохнув, я расслабилась. Николай бережно положил мою ногу на матрас и снова опустил ночную рубашку.

– А теперь тебе нужно поспать. Ты вымоталась. – Он склонился надо мной и провел пальцами по следам на шее. Его взгляд был таким напряженным и сосредоточенным, что у меня пересохло во рту.

До сих пор я не замечала, что правую сторону его лица покрывала тонкая сеточка шрамов. До глаза она не дошла, но совсем чуть-чуть. Это ничуть не умаляло его красоты. Но стригои обладали превосходными способностями к самоисцелению, значит, либо эти шрамы он получил еще до обращения, либо во время исцеления что-то пошло не так. Заметив мой взгляд, Николай повернул голову так, чтобы шрамы скрылись в тени.

– Ты еще будешь здесь, когда я проснусь? – я натянула одеяло до самого носа, когда он отстранился. Рано или поздно ночью огонь погаснет, и от одной мысли об этом мне становилось зябко. Любого другого мужчину я бы позвала в свою постель, но не знала, разумно ли предлагать это ему.

– Не думаю, – честно ответил на вопрос стригой. – Было очень смело с твоей стороны предоставить мне убежище.

— Может быть, это я рыцарь, который убьет ради тебя дракона. — Я закрыла глаза, потому что не хотела видеть, как он уходит.

— Может быть, — с весельем в голосе откликнулся Николай, а потом его губы дотронулись до моего лба. Я не стала открывать глаза. Так будет лучше. Завтра он превратится в такое же воспоминание, как мои родители и брат с сестрой.

Я распахнула глаза, когда прохладная ладонь закрыла мне рот. Сон как рукой сняло. Свечи потухли, огонь тоже уже не горел. Вокруг царила такая темнота, что я не видела, чья это рука, но узнала уже знакомый запах Николая.

— Они идут, — шепнул он, и его губы коснулись моего уха. У меня ускорилося сердцебиение, хотя я все еще ничего не слышала, кроме обыкновенных звуков ночи, проникающих сквозь тонкие стены. Лай собак, ранний торговец, который катил свою тележку по грязной улице, и кошачьи разборки. Николай убрал руку с моего рта, я села, и он обвинил рукой мою талию. Я прильнула к нему и почувствовала твердые мышцы под мягкой тканью рубашки, а потом и мой слабый слух уловил предупреждающие крики. Такое ощущение, что они внезапно раздались со всех сторон. Хватка Николая на моем теле усилилась и показалась мне слишком привычной для того короткого времени, которое я его знала. Нельзя допустить, чтобы они схватили его, подвергли пыткам и убили. Он никому не причинил вреда.

– Они ходят из дома в дом, – прошептала я. – Здесь тебе некуда спрятаться.

– Все будет хорошо, – прошептал он, и я задалась вопросом, откуда у него такой оптимизм.

Хотя опасность приближалась с каждой секундой, я не могла не обратить внимание на то, что со мной творили его объятия. Я остро ощущала его близость. Мой пульс сходил с ума, а у него почти не участилось дыхание. Мужские пальцы рисовали круги у меня на спине, которые, наверное, должны были меня успокоить, но вызвали лишь желание забраться к нему на колени и уткнуться лицом в его шею. Я с трудом сдержала вздох, когда его ладонь скользнула под мои волосы и начала массировать напряженные мышцы. Мне еще никогда не было настолько приятно. Я опустила голову ему на плечо. Крики звучали все ближе и ближе, кто-то зывал о помощи. В те ночи, когда стража охотилась на стригоев, ведьм или виккан, часто арестовывали невинных людей. Только из-за чрезмерной бледности или потому, что завистливый сосед заявил, что они пользовались магией. Прямо за моей дверью происходило что-то чудовищное, и тем не менее я чувствовала себя в полной безопасности, как на необитаемом острове.

И поэтому так сильно вздрогнула, когда в дверь забарабанили.

– Открывайте, – проревел мужской голос. – Мы ищем ведьму и стригоя.

– Не показывай им, что тебе страшно, – прошептал Николай. – Помни, что ты мой рыцарь. – Он приподнял мой подбородок, и едва ощутимо, как прикосновение перышка, его губы скользнули по моим, зажигая огонь во всем теле. Потом он отошел. Вскоре после этого рядом с дверью вспыхнула свеча.

Снова донесся громоподобный стук кулака, и дверь задрожала в петлях.

– Открывайте, или мы выйдем эту проклятую дверь.

Я накинула свой изношенный халат, жалея, что нет времени надеть платье. Но тогда люди снаружи рассвирепеют еще сильнее. Дрожащими пальцами повернула ключ. Николай ободряюще мне кивнул. Он встал так, чтобы его скрыло плотно распахнутой двери. Не особенно надежная защита, но, если Великая Богиня нам поможет, этого хватит.

Дверь открылась, и передо мной возникли двое мужчин из городской стражи. В руках они держали копья, а на поясах звенели мечи. На них были доспехи с гербом короля, который щедро награждал любого, кто помогал ему полностью искоренить магию. Меня смерили оценивающими взглядами, и я обхватила себя руками.

– Здесь нет ни ведьмы, ни стригоя, – сказала я, испытывая облегчение от того, что среди них не было давешних нападавших, которые могли меня опознать.

– Ты одна? – спросил младший из стражников, на подбородке которого только начинала расти борода. Его взгляд

упал на мои рыжие волосы. Я забыла собрать их в узел.

В ответ я кивнула.

Парень отпихнул меня в сторону и вошел. Я так прислонилась к двери, чтобы она не захлопнулась. Они оба тщательно осматривали мое жилище. Снаружи тянуло холодом, доносились запах огня и крики. Тот, что помоложе, поднял плащ Николая, и на миг у меня остановилось сердце.

– Холодно, – без единой эмоции в голосе произнесла я, и, к моему облегчению, он положил его обратно.

Мужчина постарше с уже седеющими волосами ткнул пальцем в кастрюльку с травами и понюхал его.

– Ты сама это приготовила?

– Я вывихнула лодыжку на рынке, – сказала я. – Это просто пара-тройка трав и масло.

– Не смей ничего подобного продавать, – отрезал он. – Станешь не первой, кого из-за этого обвинят в колдовстве. Жалко будет тебя, бедняжку. – Можно было даже подумать, что этот мужчина пытался меня предостеречь. – Пошли, – велел он другому. – Здесь ничего нет. Запри за нами дверь и завтра лучше останься дома. У меня дочь твоего возраста. Нелегко приходится в наши дни, – добавил он, когда его напарник покинул дом.

Я опять лишь кивнула. Очевидно, еще остались люди, которые думали не только о себе. После того как он ушел, я закрыла дверь и заперла на замок. Очень хотелось придвинуть к ней еще и комод, но я просто прислонилась к ней, чувствуя

дрожь в ногах. Николай взял меня за руку, притянул к себе, и мы вместе прислушались к удаляющимся звукам.

– Скоро ты сможешь выйти и добраться до безопасного места, – прошептала я. – Как только они покинут этот квартал. Просто иди на север.

Когда он уйдет, я вновь останусь одна. Я заставила себя вспомнить, что годами жила одна. Эта короткая встреча с ним ничего не значила. Обычная случайность, и через несколько дней я о ней забуду, поскольку слишком занята необходимостью выжить. Заботой о том, чтобы мне хватало еды и чтобы никто не узнал, что я викканка.

– Я предпочел бы остаться. – Сперва я подумала, что эти слова мне просто почудилось. Пока не взглянула на него. – Они могут вернуться.

– И именно тогда тебя здесь быть не должно. – Я не хотела, чтобы с ним что-то случилось. Будь я более осторожна, ему не пришлось бы вмешиваться.

– Ты замерзла. – Он проигнорировал последнюю фразу и вместо этого положил ладонь мне на шею. – У тебя мурашки. – Большим пальцем Николай обвел линию моего подбородка. – Здесь и здесь. – Подушечки его пальцев мягко скользнули по моему горлу, пока я стояла неподвижно.

Он продолжал касаться меня, ожидая моего согласия. Но только когда его дыхание коснулось моих губ, все сомнения и тревоги рассеялись. Больше двенадцати лет я была разумной и одинокой. А сегодня мой народ отмечал Имболк, один

из четырех праздников солнца. Разве есть способ лучше выразить мое почтение Великой Богине, чем слияние мужчины и женщины? Я подняла на него взгляд, посмотрела на серьезное красивое лицо и увидела в его глазах страсть и понимание. Кто будет меня винить, если я возьму то, что он предлагал? Лишь я сама.

Сделав глубокий вдох, я положила руки ему на грудь. Он наклонился и поцеловал внешний край моей брови. Я прижалась к нему, провела ладонями по его плечам, а затем зарылась пальцами в шелковистые волосы. Все волоски на моем теле встали дыбом, когда стригой с тихим рыком запрокинул назад мою голову и провел языком по горлу. Я невольно замерла. Он оставил невесомый поцелуй, нежно массируя мне шею сзади.

– Я сделаю только то, чего ты сама захочешь, – выдохнул Николай. – И не буду тебя кусать, пока ты меня об этом не попросишь.

Я ахнула, потому что мысль о том, как он с той же непреодолимой нежностью вонзит клыки в мою кожу, вызвала у меня мурашки. Однако остатки инстинкта самосохранения помешали мне немедленно его об этом попросить. Вместо этого я притянула его рот к своему. А Николай словно только и ждал приглашения, потому что из его прикосновений исчезла вся осторожность. Он крепко прижал меня к себе, покусывая мою нижнюю губу и вызвав у меня стон. И как будто желая попробовать этот звук на вкус, он полностью на-

крыл мои губы своими. Одна рука придерживала мой затылок, в то время как другая скользнула вниз по спине. Внутри меня разлился жар. Он окутал меня целиком. Его тело и его запах были повсюду. Я потянула его за рубашку и вытащила ее из-под пояса брюк. Сегодня ночью я не буду думать о последствиях. Утро, а вместе с ним и моя реальная жизнь и так наступят слишком рано, и эта ночь станет лишь паутиной снов. Мои руки пробрались под рубашку и дотронулись до прохладной гладкой кожи под ней. Такое впечатление, будто кто-то натянул шелк на сталь. Соски на моей груди затвердели. Николай лизнул мочку уха и нежно прикусил ее. Мои бедра, словно сами по себе, прижались к нему. Икр коснулся прохладный воздух, когда стригой задрал подол ночной рубашки.

– Обхвати меня ногами за талию, – хриплым голосом попросил он и поднял меня.

Я выполнила приказ и почувствовала всю силу его желания. Одной рукой Николай держал меня, снова целуя, а второй ласкал мою грудь. Большой палец обвел чувствительную вершину. Я выгнулась ему навстречу, и поцелуй стал жестче. Его язык проник в мой рот, овладевая мной. Грудь трепетала, пока он внимательно изучал ее контуры. Крошечная часть разума все еще пыталась остановить меня, однако я ее не слышала, потому что каждое его движение сводило с ума. Его бедра ритмичными движениями вжимались в мои, но этого было мало.

– Подожди, – выдохнул он.

– Не хочу ждать, – возразила я, заслужив в ответ тихий смех.

Разве он не понимал, что в любой момент нас мог кто-нибудь прервать? Все могло закончиться, даже не начавшись. Несмотря на мои протесты, он поставил меня на пол.

– Я не возьму тебя возле двери. – Николай осторожно обнажил меня, сняв ночную рубашку. Я не стеснялась своей наготы и позволила ему смотреть на меня, пожирая глазами. – Ты прекрасна, – прошептал он, поймав прядь волос кончиками пальцев.

Не так прекрасна, как он. Я медленно расстегнула его рубашку и сбросила ее с мужских плеч. Потом занялась застежкой его штанов, и стригой не стал меня останавливать. От живота вниз змеилась тонкая дорожка обсидианово-черных волос. Где-то внутри меня разрастался жар, который затем скопился внизу живота. Наклонив голову, Николай снова провел носом по моему горлу.

– Нам не обязательно делать это, если ты не уверена.

Я слышала его слова, однако голод в голосе выдавал его с головой. Он хотел меня так же, как я его, и против этого желания мы были бессильны. Николай прикусил мою нижнюю губу, и я обвила его руками за шею.

– Отнеси меня в постель, – велела ему я.

Его не пришлось просить дважды, стригой взял меня на руки, донес до кровати и бережно усадил на матрас. В све-

те свечи он еще раз внимательно посмотрел на меня. Мягко провел пальцем по внутренней стороне моего бедра, потом потянулся к груди и игриво обвел ее языком. Я выгнулась, чувствуя, что он стал еще тверже. Со времен моего изгнания меня никто больше не обнимал, не говоря уже о нежных прикосновениях и ласках. Тех немногочисленных мужчин, которых я находила в прошлом, мало волновало мое удовольствие. До сих пор я даже не подозревала, какие невероятные ощущения дарит близость. Мне хотелось прильнуть к Николаю и слиться с ним в единое целое. Ни одна часть моего тела не должна была остаться нетронутой, чтобы, после того как он уйдет, я не забыла, что такое настоящее вожделение. Уткнувшись носом в изгиб его шеи, я вдохнула его запах. Лизнула и слегка прикусила кожу, вызвав у него рык. Он исследовал мое тело руками и языком, касался каждой клеточки и задерживался там, где наслаждение было острее всего. Затем он перевернул меня на живот и провел языком вдоль позвоночника, что подвело меня к грани безумия. Казалось, что он знал мое тело лучше, чем я сама. Он овладевал мной без остатка, и я в тот миг осознала, что теперь мне нужен только этот мужчина. С ним я чувствовала себя в безопасности и под защитой. Николай вновь перевернул меня на спину, и мои руки скользнули по его телу. Я притянула его к себе между ног, приподнимая бедра, и он понял меня без слов. Поцелуи стали еще более жадными. Его язык проникал в меня в том же ритме, в котором я прижималась к

нему своим телом. Огонь внутри меня разрастался. Я обхватила ногами его тонкую талию и ощутила его там, где сильнее всего в нем нуждалась. Невзирая на холод в хижине, мою кожу покрывали капельки пота, кровь кипела, а сердце бешено колотилось в груди. Николай слегка оцарапал мне шею, проведя клыками по разгоряченной коже. Мое сознание целиком сосредоточилось на этой едва ощутимой боли, которая должна была меня напугать, однако ее заменило неопишное чувство, нахлынувшее, когда он наконец вошел в меня. Ахнув, я еще крепче обхватила его ногами, напрягая мышцы в коленях. Застонав, он продвигался вперед, сантиметр за сантиметром, ожидая, пока мое тело привыкнет к его размерам, а затем одним последним движением целиком погрузился в меня. Теперь он был полностью связан со мной, а я с ним. Я смотрела на него широко распахнутыми глазами. Я не знала и даже не подозревала, что все может быть вот так. Николай улыбнулся, глядя на меня сверху вниз, и какое-то мгновение был слышен лишь наш общий вздох облегчения, прежде чем он начал ритмично двигаться. В его глазах полыхало темное пламя, и по всему моему телу волной растеклось наслаждение. Каждая частичка пульсировала, пока он раскачивался во мне. Сотни фейерверков взорвались внутри меня ослепительным светом. Казалось, будто Великая Богиня лично рассыпала надо мной звездную пыль. Я уткнулась лицом в его ключицу, чтобы заглушить рвущийся из горла крик. Николай следом за мной достиг такого же сильного ор-

газма и излился в меня. Мы продолжали двигаться в том же ритме, словно никто из нас не хотел, чтобы это заканчивалось, однако в конце концов наше сердцебиение и дыхание успокоились.

Он аккуратно вышел из меня и лег рядом, приподнявшись на локте. Удовлетворенно глядя на меня, он убрал с моего лица влажные от пота волосы и поцеловал.

– Я хотел этого с того момента, когда впервые тебя увидел. Но даже не думал, что это будет так.

Я нежно коснулась его щеки. Не было необходимости спрашивать, что он имел в виду.

Он провел рукой по моему плечу и снова обвел большим пальцем вершину моей груди. Внизу живота все сжалось от предвкушения, когда за пальцем последовал рот, и он нежно прикусил мой сосок.

Я знала, что его нет рядом, хотя еще не открыла глаза: чувство одиночества мне было знакомо до боли. Николай снова развел огонь, укрыл меня одеялом и своим плащом сверху, потушил свечу и ушел. Мы еще дважды занимались любовью, а потом он держал меня в объятиях, пока я не уснула. Я сдержала слезы. Он ничего мне не должен. Эта ночь навсегда останется моей тайной. Даже если я никогда больше не вернусь в Ардял, теперь у меня есть еще кое-что, напоминающее о родине. Я зажгла свечу возле кровати. Несмотря на огонь, в лачуге было ощутимо прохладно, и я опять

укуталась в плащ, который по-прежнему источал его аромат. Какое-то время я не шевелилась, хотя и знала, что пора собираться на работу в библиотеку. Судя по звукам, доносящимся снаружи, солнце давно взошло. Но вместо того чтобы встать, я щелкнула пальцами и тихо пробормотала приказ: – Manifestere.

Старая книга в кожаном переплете выскользнула из стопки на шатком письменном столе, из-за чего тот опасно покачнулся. Толстая книга раскрылась, и страницы начали перелистываться с такой скоростью, что я почувствовала легкий ветерок на лице, невзирая на то, что натянула плащ до самого носа. На стене появились картинки из далекого прошлого. Эти образы оживляли историю трех наших народов, которые ожесточенно сражались за Ардял. Ведьмы носились по воздуху на метлах с обнаженными мечами и яростно сражались с крылатыми стригоями. Виккане выращивали колючие изгороди и разливали реки, чтобы защититься от армии ведьм. Стригои на черных как ночь лошадях осаждали Ониксовую крепость королевы ведьм. Крылатая армия воронов верховного жреца виккан изливала неугасимый огонь на палаточный лагерь стригоев. На стене с облупившимися обоями мелькали изображения войны, в которой никто не мог победить. А потом королева ведьм Эстера, Андрада – палатин стригоев и верховная жрица Илеана встали вокруг огромного котла. Они заключили союз, который должен был скрепить мир между народами. Это произошло тысячу лет

назад. Тот первый пакт продержался пять веков. После этого опять разразилась война, которая длилась много сотен лет. Временами распри стихали, но затем разгорались еще сильнее. Иногда ведьмы вступали в союз с викканами, иногда — со стригоями. Погибли целые семьи стригоев, кованы виккан и кланы ведьм. В последний раз мир заключили сорок лет назад. Без того договора, который подписал мой дед, будучи верховным жрецом виккан, среди нас, наверное, не осталось бы никого, кто был бы способен продолжать войну. Этот договор спас всех нас. Ведь в то время, как виккане могли использовать свои способности лишь при условии, что никому не причинят вреда, на ведьм этот закон не распространялся. Их магию ничто не ограничивало. Они применяли ее свободно и имели на это право. В понимании ведьм магия росла только таким образом. Черная и белая магия были равны друг другу, как две стороны одной медали. Энергия всегда оставалась одной и той же, даже если заклинания, созданные с ее помощью, имели разные цели. Черная магия не запрещалась, если использовать ею с осторожностью. Мы, виккане, применяли магию для развития себя и своих душ, а не для того, чтобы подчинить кого-то или что-то своей воле. Магия должна быть чем-то прекрасным и чистым, чтобы превратить этот мир в приятное место. К сожалению, всегда находились ведьмы и колдуны, которые злоупотребляли черной магией в личных интересах.

Я знала историю Ардяля наизусть, поскольку часто смот-

рела на эти картинки и читала книги. И пускай я никогда не видела посыльного, мне было известно, кто регулярно заменял книги на новые. Магнус Калин – самый верный дедушкин офицер и командир армии корбиев, воронов верховного жреца. Вороны Магнуса – единственные виккане, которым разрешалось применять оружие. Должна ли я сообщить ему, что Николай Лазарь появлялся в Аквинкуме? Ждал ли от меня этого дедушка? В последней войне стригои были союзниками виккан. Мы сражались на одной стороне, побеждали и проигрывали вместе. Николай ничего мне не сделал. Наоборот, кое-что подарил мне.

После того как последняя картинка вернулась в книгу и она закрылась, я села, подхватила плащ и подошла к окну, чтобы распахнуть ставни. Боль в лодыжке почти исчезла. Сквозь щель между подоконником и рамой просачивался холод и рисовал ледяные узоры на внутренней стороне стекла. На улице кипела жизнь, несмотря на резкий западный ветер. Он хлестал по углам моей лачуги, сотрясая окна и дверь, пытаясь проникнуть внутрь. В Имболк души умерших были особенно беспокойны, поэтому сегодня вечером их нужно будет задобрить подношением. Меня мало что связывало с семьей и верой, но я продолжала отмечать наши ритуальные праздники, хотя в одиночестве это было довольно тоскливо.

У меня на губах заиграла улыбка. Прошлой ночью я была не одна и однажды буду праздновать Бельтайн в Ардяле. Когда-нибудь дедушка заберет меня обратно. Я не готова всю

жизнь провести в одиночестве и дальше прятаться среди людей. Сегодня даже меньше, чем вчера. То, что Николай появился в Аквинкуме именно в ночь солнечного праздника, я восприняла как знак Богини: близился день моего возвращения домой, потому что викканка без ковена, общины, которая обеспечивала ей безопасность и защиту, – это как луна без звездного неба.

Глава 3

АКВИНКУМ, СТОЛИЦА МУНТЕНИИ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ СПУСТЯ ПОСЛЕ ОСТАРЫ

Полночи я потратила на то, чтобы собрать документы, необходимые для поступления в университет. Это моя третья попытка, потому что места для женщин были редкостью, а места для женщин не из знатных семей Аквинкума и по-прежнему. Но я была не готова сдаваться. От усталости меня буквально трясло. Быстро подхватив плащ Николая, я накинула его на плечи. К моему огорчению, теперь он пах только мной. Затем я встала, чтобы поставить воду. Мое тело согрелось лишь с первым глотком горячего чая с большим количеством сахара. Я прислонилась к хлипкому буфету. По крайней мере, этот чай вкуснее, чем противозачаточный сбор, который я пила две недели после ночи с Николаем, пока не убедилась, что беременность меня миновала. Стригои очень-очень редко размножались традиционным способом, однако это не означало, что такое невозможно.

После той ночи я больше не возвращалась в «Мерлин», а нашла себе вторую, еще менее оплачиваемую работу за прилавком на рынке. А пару дней спустя стражники прекратили поиски Николая и ведьмы, которые якобы напали на двоих мужчин. Несколько дней я ходила по городу в страхе и ждала, что стража арестует меня и бросит в темницу. Однако ничего подобного не случилось. У меня вырвался тихий вздох. Я все еще размышляла, стоит ли сказать деду об этой встрече. Но я опасалась, что он вынудит меня покинуть Аквин-

кум. Если дедушка отправит меня в другой человеческий город, я никогда больше не увижусь с Николаем. Сейчас вероятность встречи тоже была невысокой, но какая-то надежда у меня все-таки оставалась. Когда дело касалось моей защиты, верховный жрец проявлял чрезмерную осторожность. К сожалению, эта осторожность никогда не приводила к тому, чтобы вернуть меня в Ардял. Но покинуть Аквинкум значило бы забыть о своих последних мечтах.

Я подошла к окну, откуда открывался вид на белые башни университета. Как и каждое утро, зажгла уголь в чаше для благовоний, которую в детстве купила на рыночной площади. Когда он загорелся, положила сверху сухую ветку боярышника и стебель орешника, а потом наблюдала, как они окрашиваются в цвет индиго. По краю пожелтевшего мрамора заплескали мерцающие искорки. Я обхватила ладонями горячую чашу и смотрела на ветки, которые медленно рассыпались, превращаясь в пепел. Мне нравился этот запах, потому что он напоминал о тех временах, когда я была гораздо менее одинока. А иногда, если мне везло, то в памяти даже звучал голос мамы, которая тихонечко что-то напевала. Пару секунд я наслаждалась ароматом, пока не пришло время готовиться к новому дню. Умывшись холодной водой, чтобы прогнать остатки усталости, я надела нижнюю рубашку, которая знавала лучшие дни, и простое коричневое платье с декоративными лентами на вырезе. Волосы заплела в аккуратную косу и нанесла на пересохшие губы немного бальза-

ма, который сама готовила из пчелиного воска, миндального масла и меда. Затем свернула пергаменты, перевязала их бечевкой и убрала в карман юбки. Когда я вышла из дома, на улице не было ни души, только несколько женщин спешили в сторону рыночной площади. Я присоединилась к ним, пошла по тесным переулкам и вскоре попала в район, в котором дома строили не из глины, а из серого песчаника. Узкие лестницы вели к выкрашенным в белый цвет дверям, перед которыми располагались крошечные садики, где начиная с весны жители сажали цветы и травы. Из труб к небу поднимались колечки дыма. Для середины апреля было еще довольно холодно, но кизил и ива уже зацвели. Весенний ветер высвободил несколько локонов из моей косы, пока я добиралась до реки, разделявшей город посередине. На одной половине жили простые люди, а на другой – знать и купцы. Над водой тускло мерцал рассветный туман. Он полз вдоль берега, поглощая звуки пробуждающегося города. Я положила руку на каменную стену, чтобы не потерять ориентацию в пространстве, как вдруг ощутила знакомый запах. Теплая земля и сосновые иголки. Мое сердцебиение ускорилося.

– Николай? – прошептала я, однако ответа не получила.

Я вздохнула. Мне не впервые мерещился его запах или высокая фигура в толпе. И всякий раз это оказывалось игрой воображения. Он не вернется. Это неразумно, он и так подверг опасности нас обоих. После нашей встречи прошло несколько недель, и воспоминания о его прикосновениях и

словах постепенно блекли. Он ничего мне не должен и ничего не обещал. Надо перестать гоняться за собственными фантазиями. Я уже собиралась пойти дальше, но вдруг услышала тихое размеренное дыхание. На этот раз мне не показалось. Я сглотнула. Он здесь. Но не хотел мне отвечать. Туман образовал вокруг нас защитную оболочку, похожую на бархатный кокон. Мне хотелось спросить его, где он пропадал. Почему не приходил раньше. Но я не осмелилась из страха, что мои вопросы его отпугнут. Воздух между нами начал потрескивать. Если простои́м так еще дольше, то кто-нибудь обязательно увидит крошечные магические искорки, которые уже засияли в тумане. Самым разумным поступком будет уйти. С тяжелым сердцем я обернулась, а когда туман рассеялся, спросила себя, может, и эта встреча произошла лишь в моем воображении?

Добравшись до рыночной площади, я в честь праздника купила себе две лепешки и чашку горячего яблочного сока. На этот раз университет мне не откажет. Я слишком усердно трудилась ради поступления. Экономила каждый геллер и готовилась к вступительному экзамену. У меня просто должно получиться. Мне необходима новая цель в жизни. Сладкую лепешку я съела сразу, а ту, что с сыром, попросила вернуть мне на обед. Потом поболтала с женщинами за прилавками и обменялась с ними свежими сплетнями. Речь в основном шла о пограничниках, которым разрешалось проводить выходные в городе. Когда на рынке появились пер-

вые студенты, пополняющие свои припасы, я присоединилась к ним. А после того, как передала документы нелюбезному секретарю декана, заторопилась в библиотеку.

В холле библиотеки меня уже ждал Сандро. В течение двух недель я помогала ему подбирать материал из разных источников для его профессора. Он был вежливым и добрым, и если бы не множество моих секретов, мы, вероятно, могли бы подружиться. Но я не заводила друзей. Это одно из правил, которые я сама себе установила. Гораздо безопаснее не отдавать свое сердце людям. Это защищало как людей, так и меня. Если королева ведьм выяснит, что я пережила ее трусливое покушение, то она обязательно отправит своих приспешников доделать работу, и тогда я навлеку беду на всех, кто окажется рядом со мной. Дедушка регулярно напоминал мне об этом.

– Все отдала? – спросил Сандро, после того как мы поздоровались и направились к рабочему месту в конце читального зала. На толстой деревянной столешнице, привинченной прямо к одному из доходящих до потолка стеллажей, висилась гора книг. Поскольку дневного света не хватало для достаточного освещения рабочих мест, на столах целый день горели маленькие масляные лампы из зеленого стекла.

– Все. Теперь опять остается только ждать. – Я взяла верхний том, чтобы отметить информацию, необходимую профессору Сандро. Позже он отнесет эти книги на факультет.

– Наверняка в этом году все получится, – заверил меня

он. — Ты знаешь об истории Мунтении больше, чем большинство моих знакомых студентов. — Сам он учился уже четыре года и в следующем году окончит университет.

Тут Сандро прав. Я сунула полоску пергамента между страниц книги и постаралась сконцентрироваться, несмотря на разговор. За уклонение от работы наказывали без промедления, а мне было важно, чтобы вечно пребывающий в плохом настроении заведующий библиотекой подтвердил мою безупречную трудовую сознательность, если к нему обратится секретарь декана. До сих пор до этого этапа я не добиралась. Мое заявление отклоняли еще раньше. И словно он услышал мой мысленный призыв, позади нас раздались шаги. Я поспешно раскрыла следующую книгу, ожидая нагоняй за то, что в читальном зале мы разговаривали друг с другом. Однако вместо этого кто-то негромко откашлялся. Мне даже не пришлось оборачиваться, чтобы понять, кто это. Сердцебиение ускорилось. Он здесь! Он что, с ума сошел?

Когда я обернулась, на губах Николая играла едва уловимая улыбка.

— Доброе утро, — поздоровался он со мной и Сандро, у которого при виде него открылся рот.

Благодаря своему внешнему виду Николай идеально сочетался с фоном из старинных стеллажей, запылившихся книг, потертого деревянного пола и древних люстр, висевших над нами. Если ему когда-нибудь придет в голову читать лекции в университете, все студентки будут у его ног. Так же как это

уже случилось со мной. Так что я вряд ли могла винить Сандро за его реакцию, у меня самой побежали мурашки по телу. Вот только вызвали их не элегантность или грация стригоя, а скорее внезапное осознание, что Николай ведет со мной игру, правила которой мне не известны. Встречу в таверне я посчитала совпадением. Сегодня утром могло быть любопытство. Но это появление он планировал, и то, что стрigoй рисковал, разгуливая по Аквинкуму среди бела дня, совершенно мне не понравилось.

– Мы можем вам чем-то помочь? – заикаясь, спросил у стригоя Сандро, пока я пыталась пронзить Николая взглядом. Он подвергал смертельной опасности не только себя, но и меня.

– Надеюсь. Меня зовут Николай. Николай Лазарь, – вежливо представился он, протянув руку моему напарнику, и все это время взгляд янтарных глаз не отрывался от меня. Он даже ни разу не моргнул. Если все продолжится в том же духе, то стрigoй выдаст себя с головой. Ну и поделом ему. Кажется, сегодня его радужки стали еще темнее, чем в нашу первую встречу. – А вас? – задав вопрос, он наклонил голову набок, и у него в глазах появился дерзкий блеск. Этот мужчина за всю свою жизнь никогда и ничего не боялся.

– Валеа, – откликнулась я, скрестив руки на груди. – Валеа Греку.

– Валеа. «Сильная». Очень приятно с вами познакомиться. – Затем он протянул мне ладонь, и я пожала ее, чтобы не

вызывать подозрений у Сандро.

Пускай моя магия и слаба, я все равно обладала даром. Даром, который обычно держала в узде, потому что он не был натренирован, и я так и не научилась правильно им пользоваться. Дар имагинации. Он позволял мне проникать в воспоминания других людей и видеть то, что они пережили. Вот почему обычно я старалась ни к кому не прикасаться. Той ночью, которую мы провели вместе, я была слишком занята, чтобы его использовать, и сейчас меня терзали сомнения, ведь если применю его, то нарушу личное пространство Николая. Но сейчас речь шла о моей безопасности. Тот факт, что он просто пришел в библиотеку, не опасаясь быть обнаруженным, но ни разу даже не заглянул ко мне за все эти недели, злил сильнее, чем следовало бы. Я решительно вложила свою руку в его. И едва сдержала вздох, когда его прохладная кожа снова соприкоснулась с моей. Он ничего мне не должен, но я скучала по нему. Его улыбка стала шире, и мы встретились взглядами. Я точно поймала момент, в который Николай понял, что я вторглась в его воспоминания. А в них увидела темно-зеленые горные склоны, услышала стук лошадиных копыт по мягкой лесной почве и громкий смех молодой девушки.

– Не так быстро, Селия, – прокричал он на древнем языке, на котором я говорила все детство и который казался таким невыносимо родным.

– Еще недостаточно быстро, – весело ответила девушка.

Ее черные волнистые волосы развевались на ветру, пока она скакала верхом по лугу, а он пытался не отставать. Но то ли не мог, то ли не хотел ее догонять. И лишь когда она перемахнула через изгородь, я услышала, как стригой выругался себе под нос, однако ее лошадь мягко приземлилась на другой стороне.

Картинка сменилась, и я увидела его на коленях у кровати с темно-зеленым балдахином. В огромном камине горел огонь. Жар казался почти невыносимым. Тяжелая мебель, бархатные занавески, одеяла и подушки были явно из другой эпохи. Одежду Николая покрывала грязь, волосы растрепались, а сам он сжимал пальцы пожилого умирающего мужчины.

– Пообещайте мне защищать их ценой собственной жизни, – прошептал тот. – Вы завершите то, в чем я потерпел неудачу.

– Ты поправишься, – отрезал третий мужчина осипшим от горя голосом. Я не видела его, потому что Николай на него не смотрел.

– Мы позаботимся о маме и Селии. Вместе, отец, – сказал он.

– Алексей прав. Ты выздоровеешь.

– Нет, сын мой. Мой час пробил. Отныне ты станешь магнатом нашей семьи и никогда не забывай, какая перед тобой стоит задача. Поклянись мне, что спасешь наш народ.

От удивления у меня округлились глаза. Николай – не

обычный стригой и не обычный член семейства Лазарей, он один из семи магнатов Ардяла. В ярости он попробовал высвободить свою руку, но я ее удержала, поскольку мне нужно было узнать больше.

– Я клянусь тебе, – ответил Николай из прошлого, и его невыразимая боль пронзила меня, будто моя собственная. Я задыхалась от чувства утраты и чуть не разорвала связь. Между тем в воспоминании он положил голову на их сомкнутые руки. Я с трудом разобрала его шепот. – Можешь на нас положиться. Пусть твоя душа благополучно странствует, пока однажды мы вновь не воссоединимся. *Amor numquam moritur*. Любовь никогда не умирает, – торжественно добавил он, и это прозвучало как клятва, от которой по моему телу пробежала дрожь.

Николай опять попытался высвободиться из моих рук, на этот раз настойчивее. Он так сердито на меня смотрел, что мне было трудно скрыть угрызения совести. Я не имела права делать то, что сделала. Воспоминания – это нечто глубоко личное. Рукав моего платья задрался, обнажив угол крошечного трикветра – татуировки, которую я сделала на внутренней стороне запястья несколько лет назад, когда думала, что больше просто не вынесу тоску по дому и одиночество. Этот символ олицетворял плодородие, материнство и знание, вплетенные в вечный круг жизни, и конечно же, он был запрещен. Я заплатила татуировщику половину месячного жалованья за молчание, и теперь мне приходилось тща-

тельно его прятать. Николай с вызывающей нежностью провел по трикветру подушечкой указательного пальца. По мне прокатилась волна энергии, и я резко разорвала контакт. Его губы изогнулись в улыбке, которая не выглядела ни мягкой, ни дружелюбной.

Сандро не заметил нашего немого диалога, который длился всего несколько секунд, и тоже представился.

– Чем мы можем вам помочь? Хотите пройти к заведующей? – услужливо спросил он.

Глядя на Николая, можно было подумать, что он хочет меня придушить. Но он покачал головой.

– Нет, мне нужны вы двое. – Его взгляд метнулся к стопке книг позади меня, и я не сомневалась, что он за долю секунды сообразил, чем мы занимались.

Сандро нервно вытер ладони о брюки, в ожидании глядя на гостя.

– Так получилось, что у меня есть ранее неизвестная рукопись королевы Лукреции. – Николай напряженно улыбнулся. Он разозлился, но и я тоже.

Почему он вернулся? Определенно не потому, что наша встреча стала для него такой же незабываемой, как для меня. В этом случае после нее не прошло бы столько времени. Я, конечно, понятия не имела, сколько ему лет, но предполагала, что опыта у него накопилось значительно больше, чем у меня. И наверняка за свою жизнь он занимался сексом со многими гораздо более опытными женщинами. Остава-

лось лишь одно объяснение. Стригой выяснил, что я последняя выжившая внучка верховного жреца. Неужели он решил использовать эти сведения в своих интересах? В последней войне стригои объединялись с викканами против ведьм, однако союзы не длятся вечно. Возможно, и это куда более вероятно, он рассчитывал получить что-то взамен от королевы ведьм, если передаст ей меня. Внутри я кипела от гнева. И почему я раньше не подумала о таком варианте? Это же очевидно. С королевой ведьм так и не поквитались за убийство моей семьи, потому что дедушка не захотел мести. Считал, что мир в Ардяле важнее. Тем не менее он был твердо уверен, что королева продолжала меня искать, а теперь меня нашел стригой. Что она пообещала ему в обмен на внуку жреца? Поэтому он так долго не появлялся? Договаривался с ней о вознаграждении? Я вытерла вспотевшие ладони о юбку. Почему я не сообщила деду? Интересно, Николая позабавила моя неосведомленность? А та девушка, которую я увидела в его воспоминаниях, была его женой или возлюбленной? Меня затошнило.

– Как вы получили эту рукопись? У вас есть доказательства ее происхождения?

Я порадовалась, что, когда я задавала этот вопрос, мой голос не дрогнул. Нужно как-то выбираться отсюда. Проще всего предупредить охрану. Но если они арестуют его и будут пытаться, это повлечет за собой беспорядки у туманной завесы. Стригой никогда не смирятся со смертью одного из

своих магнатов, и тогда разразится война с людьми. Он, может, и лжец, и моя гордость задета, однако это не повод подвергать невинных опасности.

Николай нахмурился. От него не укрылась неприязнь в моем голосе.

– Она была обнаружена во время ремонтных работ в замке моей семьи, но я абсолютно уверен, что она настоящая.

Подыграю на какое-то время.

– Рукопись необходимо отдать на проверку, если вы нам ее предоставите. Мы не можем пользоваться источниками с неподтвержденной подлинностью.

– Разумеется, – коротко ответил он. – Я так и думал.

– Где находится замок вашей семьи? – вмешался Сандро.

– В Олтении. Вам наверняка известно, что третий супруг Лукреции происходил из дома Трастамеро. Его семья некоторое время правила страной.

Да он не только искусный лжец, но и отлично знал историю Мунтении.

– Рукопись находилась в архиве ее третьего мужа? – изумленно спросил Сандро.

Николай кивнул:

– Семья вывезла его вещи из Аквинкума, после того как его убили.

Он даже в курсе трагической истории королевы людей, которая сохранилась в исторических анналах как Миротворица. Не будь эта ситуация для меня такой опасной, я бы вы-

разила ему свое восхищение. Третьего мужа королевы Лукреции убил стригой, но она все равно не нарушила мир того времени, а потребовала возвести туманную завесу. Сандро ловил каждое слово Николая. Меня всегда поражало, какая слабая у людей интуиция. Он что, вообще не чувствовал опасность? Интересно, как их вид в принципе выжил? Впрочем, в отношении Николая Лазаря и я недалеко ушла.

– Что думаешь? Такое ведь возможно, да? Одни говорят, что Лукреция заплатила стригоям за убийство дона Альфонсо, а другие – что она была безутешна после его смерти. Вероятно, в рукописи мы найдем доказательство того, что она искренне его любила, – произнес Сандро.

Я заставила себя сосредоточиться.

– Важнее было бы опровергнуть слухи о том, что она отравительница. Ее любовь тут роли не играет. – Королеву ужасно критиковали после смерти, причем только за то, что она не зашла настолько далеко, чтобы запретить магию полностью. Это сделали лишь ее потомки.

Николай слегка подался вперед. С вызовом он посмотрел на меня.

– В рукописи есть указания на то, что Лукреция происходила из рода виккан.

Сандро ахнул и мгновенно побледнел. Оскорбление королевской персоны, даже покойной, запрещалось в Аквинкуме точно так же, как и магия.

– Вы имеете в виду, что она ведьма? – откликнулась я,

опасаясь, что Сандро вот-вот упадет в обморок, но мне терять нечего. Этот мужчина больше не выпустит меня из своих лап. Моей жизни среди людей пришел конец.

Николай лишь слегка повысил голос:

– Нет, я имею в виду *не* ведьма. Магия ведьм совершенно иная. Она была викканкой. В отличие от ведьм, виккане... добросердечные, понимающие и сострадательные, – заявил стригой и скрестил руки на груди. – Если прочтете рукопись, то у вас не останется сомнений, что Лукреция была именно такой, – произнес он, по-прежнему не сводя с меня глаз. – Документ находится в моем доме в городе. Если пойдете со мной, то сможете на него взглянуть. Я не был уверен, что найду здесь кого-нибудь, кто заинтересуется рукописью. Но судя по всему, мне повезло.

Нет у него никакого дома в городе. Я буквально чувствовала, как Сандро боролся с собой. Несколько студентов прошли мимо нас, покосившись на Николая. Он приковывал к себе женские взгляды, а я воспользовалась случаем и вскочила.

– Мы подумаем. – Я потащила Сандро за собой, и тот настолько растерялся, что даже не сопротивлялся.

К такому стремительному побегу я не готова. Невзирая на все, что произошло в моей жизни раньше, в Аквинкуме я чувствовала себя в безопасности. Хотя дедушка предупреждал, что королева ведьм не сдастся. Надо было ему верить.

Николай все еще стоял, прислонившись к стеллажу. Нахмурившись, словно не находя объяснения моей враждебности, он держался на почтительном расстоянии.

– Тогда я зайду в другой раз.

– Спасибо, – пролепетал Сандро. Больше он ничего сказать не успел, потому что я уже уволокла его за собой. Мы пересекли пару проходов, и только после этого парень высвободился из моей хватки. – Нужно доложить об оскорблении королевской персоны, да?

Я потерла рукой шею и увильнула:

– Наверно. – Это ему придется решать самому, поскольку меня тут скоро уже не будет. Руки тряслись, и тем не менее я пыталась спланировать следующий шаг.

– Тебе нехорошо? – спросил он. – Ты вся позеленела.

– Все в порядке. Мне просто надо немного освежиться.

– Помощь нужна? – с неохотой спросил Сандро. Просто он хотел побыстрее уйти, и я не могла его винить.

– Нет. Сейчас пройдет.

– Ладно. Я еще кое-что должен доделать. До скорого. – Наверное, рванул прямиком в суд.

Я быстро направилась в сторону туалета. Надо исчезнуть отсюда.

– Валеа. Подожди, пожалуйста.

Я судорожно огляделась по сторонам, однако в коридоре впереди и за нами не оказалось ни души, а он между тем приближался ко мне. Если стригой нападет, мне придется пола-

гаться только на себя. Защитные чары, которые я применила в переулке, вызовут у него лишь легкую улыбку. Даже ребенком я не любила драться, хотя папа пробовал обучить меня парочке защитных заклятий. Но мне претило причинять кому-то вред. А вот моей сестре Лупе, которая была старше меня и моего брата-близнеца Кирилла на два года, наоборот, нравилось мериться силой. Она с детства отличалась исключительным боевым талантом, немного тревожным в случае с викканкой. Но ей это подходило.

– К чему этот спектакль? Что, если бы он тебя узнал? – раздраженно прошипела я, размышляя, не позвать ли на помощь. Но тогда пострадают люди.

Николай нахмурился:

– Я хотел снова с тобой увидеться, и веришь или нет, люди чаще всего не замечают самых очевидных вещей.

– Имеешь в виду, что они не заметят волка в овечьей шкуре?

Он убьет меня здесь и отнесет мою голову королеве или оставит в живых и доставит к ней целиком? Я с трудом сдержала нервный смех.

– А у меня белая или черная шерсть?

Здорово, что по крайней мере одному из нас весело. Во мне вспыхнула злость, но викканки не злятся. Нам чужды негативные эмоции. Вообще-то. Когда я тихо зарычала, он с довольным видом ухмыльнулся, спокойно сложил руки за спиной и продолжил шагать рядом со мной. В своей сего-

дняшней одежде он больше напоминал библиотекаря, в связи с чем возникал вопрос, сколько же ролей Николай успел примерить на себя на протяжении своей длинной бессмертной жизни.

– Приятно снова с тобой увидеться. Я бы вернулся и раньше, но не получилось.

Строил планы, как отправить мою голову королеве ведьм, наверное.

– Лодыжка еще болит? – спросил он, поскольку я ничего не ответила.

– Нет. Все зажило, – процедила я.

– Хорошо. Меня все это время мучил вопрос, как тебе удалось незаметно прожить столько времени среди людей? – он мягко потянул меня за прядь волос. – Это правда поразительно, – добавил Николай так удивленно, словно я сложная загадка, которую ему непременно хотелось решить. Прежде чем сожрать.

– Ты сам имел шанс убедиться, что обмануть людей не очень-то сложно. Нужно просто быть добросердечной, понимающей и сострадательной, – напомнила я ему.

Стригой рассмеялся, однако я уверенно шла дальше, хотя сердце колотилось как бешеное. Он не мог не услышать этот звук, но этот высокомерный тип, вероятно, подумал, что все дело в его присутствии. Интересно, королева ведьм ждала нас где-то в городе? У меня вообще есть шанс сбежать, или придется подчиниться судьбе? Можно сказать, что все это я

даже заслужила своим глупым поведением.

– Валеа, – мягко произнес он через некоторое время. – Ты меня боишься? – между нами образовалась дистанция. – Поговори со мной. Почему ты так злишься?

– Ты уже знал, кто я, когда пришел в «Мерлин», или выяснил позже? – вырвалось у меня. Мне уже почти хотелось, чтобы все закончилось прямо здесь. Это избавило бы меня от встречи с королевой ведьм.

– Признаю, я никак не ожидал, что столкнусь с викканкой в Аквинкуме. Мне стало любопытно. Почему ты не живешь в Ардяле? – спросил стригой как будто с искренним интересом. – К какому ковену ты принадлежишь?

Он что, серьезно хотел внушить мне, что наткнулся на меня случайно? Считал, что я такая наивная? Может, я и миролюбивая викканка, но это не делало меня глупой.

– Я не принадлежу ни к какому ковену, – твердым голосом отрезала я. – Мои родители мертвы, и с десяти лет я живу среди людей.

– Это очень необычно. Тебе нравится?

Любая другая женщина поверила бы, что Николай в ней заинтересован, настолько пристально он на меня смотрел. Но меня ему больше не обмануть.

– Ничего другого я не знаю.

– Ты должна уйти со мной в Ардял. Если люди узнают, кто ты такая, они могут бросить тебя в тюрьму или что-то похуже. Уверен, ты найдешь ковен, который тебя примет. Вик-

канка не должна быть одна.

Нет, не должна, но его это не касалось.

– У тебя большая семья?

– Не такая большая, как была когда-то. Я магнат семейства Лазарей. Но тебе это и так известно, – намекнул он на мое вторжение в его память.

– Похоже, тебе это очень льстит, но ведь этот титул получают по наследству, а не заслуживают, разве нет?

– Тут ты права. И тем не менее я горжусь тем, что могу служить своей семье.

– Рада за тебя, – произнесла я без тени улыбки.

Стригой весело рассмеялся.

– Давай я отведу тебя домой, – попросил он затем. – Все, что тебе нужно сделать, – это вновь довериться мне. – Когда мы завернули за угол, мне на спину легла ладонь. Легкое как перышко прикосновение, однако я прочувствовала его всем своим существом.

– На улице лягушки падают с неба? – Я оттолкнула его руку.

– Нет, когда я проверял в последний раз, ничего подобного не было. А что? – В первый раз он выглядел искренне растерянным.

– Просто так же маловероятно, что я куда-нибудь с тобой пойду.

У него под глазами появились круги, которых я прежде не замечала, а сами глаза словно стали еще темнее. Мне по-

казалось, что в его взгляде отражался голод. Почему он не пил мою кровь в ту ночь? Я бы, наверно, даже не отказалась. Странно, что виккане и стригои сорок лет назад заключили союз против королевы ведьм. Мы же принципиально несовместимы. Виккане питали отвращение к насилию, в то время как стригои нуждались в нем, чтобы выжить. Но в любом случае этот союз считается действительным по сей день. Что произойдет, если Николай отведет меня к королеве ведьм? Объявит ли мой дед второй пакт недействительным? Разгорится ли новая война? Война, в которой никто не сможет стать победителем?

– Не люблю повторяться, – смирившись, сказал Николай. – Не бойся меня. Я ничего тебе не сделаю. Давай встретимся. Позволь убедить тебя, что я лишь хочу помочь.

– Я не знаю ни одного заведения в Аквинкуме, в меню которого была бы кровь.

Он прищурился и ответил с неподдельной досадой, как будто я его обидела:

– Я могу вполне цивилизованно съесть сырое мясо или рыбу.

– Прошу прощения, – еще решительней заявила я. – Я не хожу на свидания с незнакомыми мужчинами.

Стригой нахмурился:

– Мы ведь не чужие друг другу. – Он идеально отыгрывал роль оскорбленного любовника. – И кроме того, мне хотелось бы вернуть свой плащ. Я очень к нему привязан.

Мне необходимо связаться с дедушкой. Очевидно, это как раз тот экстренный случай, которого он ждал.

– Ладно, – сдалась я. – Можем увидаться вечером. Я работаю до пяти, а потом у меня будет свободное время. Можешь забрать меня из дома. – Надо отделаться от него, пока у меня не сдали нервы.

– У тебя дома? – то же желание, которое я видела в его глазах в нашу совместную ночь, вспыхнуло вновь. – Я приду. Но не могу обещать, что мы дойдем до еды. Но если тебя там не будет, то я тебя найду.

Вот оно. Угроза. Судорожно сглотнув, я ничего не ответила. После моей не особенно восторженной реакции Николай нахмурил густые черные брови и плотно сжал губы. Волевой подбородок подчеркивал изумленный взгляд.

Нельзя впадать в панику.

– В «Мерлине» ты уже знал, что я викканка?

– Естественно. Я сразу почувствовал запах твоей магии, – пояснил он. – Она не очень сильна, но, как только я тебя учуял, просто не мог не пойти следом.

– Спасибо за намек на мой недостаток. – Будь моя магия мощнее, дедушка никогда бы не стал так рисковать и прятать меня среди людей.

Улыбка Николая стала почти виноватой.

– Твоя магия просто не развита. Ничего удивительного, когда живешь с людьми. Неужели это никогда никого не заботило?

– Нет, – выдавила из себя я. – И это никогда не имело для меня значения.

– Сомневаюсь, – тихо откликнулся он, но я отвернулась и медленным шагом направилась к уборной.

– Тема еще не закрыта, – крикнул он мне вдогонку. – Не дать раскрыться твоей магии – это бессмысленная трата энергии, которая не может понравиться Великой Богине.

Я вздрогнула, однако и здесь, к счастью, не оказалось людей поблизости. Потом, не оглядываясь, подняла правую руку и показала ему средний палец.

Стригой весело рассмеялся:

– Очень неприлично для викканки.

В этом он прав. Мы мирные и уравновешенные существа, вот только сейчас меня это не волновало. Николай не в том положении, чтобы напоминать мне про основы моей веры. Я толкнула дверь и зашла в туалет. Тамбур был пуст, но лишь после того, как дверь маленькой кабинки была заперта, я осмелилась снова дышать. Лихорадочно порывшись в сумочке, я вытащила набор для экстренных случаев, который приготовила еще сто лет назад. Я слишком долго тянула и тем самым практически свела на нет все дедушкины усилия в стремлении меня защитить. В общем-то уже при первой нашей встрече было ясно, что этот мужчина представлял собой угрозу. В свертке, закрученном в вошеную ткань, лежал уголек и кусочек высушенной синей вербены. Трясущейся рукой я нарисовала углем на левой ладони тройной круг и

положила уголек в центр.

– Ardeatus.

Я щелкнула пальцами свободной руки и стала ждать, когда уголь озарится светом, одновременно надеясь, что сейчас никто не войдет. А пока уголек разгорался, я старалась успокоить дыхание. После того как он, по-прежнему холодный, начал тлеть на моей коже, я положила сверху вербену. К потолку потянулись ровные кольца белого дыма. Я молча взмолилась к Великой Богине, прося о помощи, и она меня услышала, поскольку затем проявилась картинка. Мой дедушка, который сидел за своим письменным столом, вскинул голову, почувствовав мое присутствие.

– Валеа? – в его голосе, как всегда, звучали доброжелательность и собранность. Однако в глазах отразилась тревога.

– Думаю, королева меня нашла, – выпалила я со слезами ярости на глазах. – Теперь я не смогу учиться, потому что мне придется начинать новую жизнь где-то в другом месте.

Дед понимающе кивнул:

– Оставайся на месте, Магнус в пути.

Невзирая на беспокойство и страх, меня затопила волна облегчения.

– Спасибо.

– Валеа, – добавил он, прежде чем дымная картинка растаяла. – Он заберет тебя домой.

Изумленная, я села на крышку унитаза, спрашивая саму

себя, не слышалось ли мне. Дедушка сказал: «Он заберет тебя домой». Не куда-то в новое, незнакомое место. Нет. Домой.

Я нетерпеливо ждала, пока снаружи не раздался звонкий шум, словно в комнату ворвалась стая птиц. И это сравнение было не так уж далеко от истины, так как Магнус перемещался в обличье ворона и только что принял человеческую форму в противоположном конце помещения. Вскоре после этого в дверь постучали. Властно и решительно, каким я и помнила этого корбия. Взяв свою сумку, я дала себе секунду, чтобы морально собраться, и открыла. Мужчина кивнул мне и осмотрел мое тело на предмет повреждений.

– Со мной все в порядке, – пересилив себя, произнесла я, на что он снова коротко кивнул.

Магнусу Калину, командиру армии воронов верховного жреца, было примерно тридцать лет, и он защищал меня с самого детства. Впрочем, это не означало, что мы сблизились, поскольку он ненавидел это задание и к тому же сам тогда был еще очень молод. Когда в восемнадцатый день рождения я настояла на том, что останусь в Аквинкуме и больше не буду переезжать с места на место, он поспорил, что мне ни за что не выжить одной, и почти выиграл это пари.

– Валеа, – наконец поздоровался Магнус, глядя на меня сверху вниз.

Пусть мы и не виделись четыре года, он ни капли не изменился. Значительно выше меня, очень худой, с практически

аскетичным телосложением. Растрепанные светлые волосы волнистыми прядями спускались до плеч. Поверх униформы он носил потертый зеленый плащ и красный шарф. Когда Магнус снял капюшон, я заметила у него на лице тень русой щетины. Он пристально смотрел на меня голубыми глазами, которые казались почти серебряными. Магнуса сложно было назвать красивым в прямом смысле этого слова, однако он обладал весьма выразительными чертами лица. Так или иначе, этого мужчину нелегко забыть, и я вполне могла себе представить, что многим женщинам нравился такой полузапущенный вид, хотя язык его тела выражал враждебность.

– Пора возвращаться домой, – почти беззвучно произнес он, широким жестом распахивая свой плащ. – Ты действительно выжила. Мои поздравления. Я думал, ты будешь чаще звать на помощь. – В его словах слышалось неохотное признание.

Я задрала подбородок и сдержала довольно невикканский ответ. Его холодный образ казался мне каким-то неподходящим для возвращения домой, но это самый быстрый способ перемещения. Так что я шагнула к нему и обняла руками за талию. Магнус запахнул плащ, и вскоре у меня закружилась голова, когда он перевоплотился и поднялся в воздух. Ничто не могло остановить корбиев. Ни стены, ни окна, ни расстояния. Я действительно покидала Аквинкум. Я грезилась об этом моменте сотни бессонных ночей, и тем не менее сейчас мне стало страшно. Много лет я жила среди людей. Здесь я знала,

чего ожидать, тогда как Ардял почти не помнила. Оставив город позади, мы летели над равнинами, реками и деревнями. Через некоторое время показались горы, которые окружали Ардял и отделяли его от Мунтении. Снег на их вершинах сверкал, как кристаллы изящной огранки. Стена тумана возникла словно из ниоткуда, однако Магнус без проблем преодолел барьер. Входить в Ардял разрешалось всем, хоть люди и не переступали границу земель. Стена защищала мир от магических существ. Впрочем, стригоев она не очень-то сдерживала, как уже дважды доказал Николай. Почему это так, я не знала, но очень хотела выяснить.

Сверху ландшафт Ардяла практически не отличался от ландшафта Мунтении. И все-таки я жадно впитывала каждую деталь. Мы пролетали над викканскими деревнями, которые я узнала по мощеным улочкам и древним домам пастельных оттенков. Чудесные пруды прятались под плакучими ивами, в тени которых цвели крокусы и зимний аконит. В деревнях стригоев на холмах возвышались могучие укрепленные церкви, построенные еще в те времена, когда люди жили вместе с нами в Ардяле и искали там убежища во время войны. По лесам путешествовал странствующий народ, чьи дети прятались в вардо³, пока пестро разодетые женщины беззвучно бормотали защитные заклинания, а мужчины незаметно вооружались, заметив ворона. Это единственные

³ Вардо – традиционная цыганская кибитка, запряженная лошадьми, которая использовалась в качестве жилища.

люди, которые еще отваживались ездить по Ардялу. На протяжении веков они разъезжали в крытых повозках по дорогам своих предков. И лишь когда мы приблизились к подножию гор, я увидела шпили замка ведьм, которых должно быть гораздо больше. Магнус замедлил полет и опустился ниже, когда мы добрались до равнины. Из темной плодородной почвы пробивались первые зеленые ростки. В поле зрения появился силуэт прямоугольной крепости. Каменные стены песочного цвета завершались четырьмя башнями в каждом углу. Жилая башня и множество других строений находились в центре внутренней территории. Магнус влетел в открытое окно, которое захлопнулось за нами, и без предупреждения снова сменил облик. Покачнувшись, я ступила на пол в большом зале. Он не поддержал меня, пока я старалась восстановить равновесие, а отошел в сторону. Перед ступенчатым алтарем Великой Богини спиной к нам стоял мужчина, который в этот момент зажег свечу.

– Верховный жрец, – торжественно произнес Магнус, – я вернул домой твою внучку.

Глава 4

КРЕПОСТЬ РАСКА В АРДЯЛЕ ПОСЛЕ ОСТАРЫ

Несмотря на преклонный возраст – почти восемьдесят три года, – мой дед отличался подтянутой фигурой и высоким ростом. На кончиках его пальцев мерцало зеленое пламя, когда он обернулся ко мне и обвел внимательным взглядом светлых глаз. Он носил плащ цвета красной киновари, указывающий на ранг верховного викканского жреца.

– Иди ко мне, дитя мое. – В этих нескольких словах звучали одновременно радость и печаль.

Мы были последними членами нашей семьи. Ради моей защиты он отказался держать меня при себе, и мне не верилось, что мы наконец-то воссоединились. Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить сердцебиение, после чего подошла к нему. С каждым шагом я становилась увереннее, а улыбка – шире. Я дома. При этом мой взгляд внимательно изучал все вокруг. В Мунтении не было магии, зато в Ардяле она была в каждом камне, в каждом порыве ветра, в каждой травинке. Высокие богато украшенные окна пропускали яркий солнечный свет. Стены и пол были сделаны из грубого известняка. Бесчисленное количество виккан веками поклонялись у этого алтаря Великой Богине, и теперь я тоже могу поблагодарить ее за защиту, которую она оказывала мне в течение многих лет.

Алтарь освещался свечами в высоких подсвечниках. Он был выполнен в форме лестницы и покрыт сусальным золо-

том. На самой верхней платформе располагался полумесяц рожками вверх. Я смотрела на него с трепетом, пока моей щеки не коснулся теплый ветерок. Жизнь, которую я вела среди людей, упала с моих плеч, как тяжелое бремя. Выпрямив спину, я вдохнула воздух, насыщенный ароматами множества трав.

– Дедушка. – Я остановилась перед ним, почтительно опустила глаза и добавила: – Верховный жрец.

Он пальцем приподнял мой подбородок, и я взглянула на его угловатое лицо. Несколько секунд никто из нас не говорил ни слова. Он смотрел на меня глазами песочного цвета, совершенно не похожими на мои зеленые. Потом его взгляд смягчился, а губы изогнулись в одобрительной улыбке.

– Приветствую тебя, дитя мое.

Горящими пальцами дед погладил меня по волосам и плечам. По телу распространилось тепло. Понравилась ли ему молодая женщина, которой я стала? Оправдала ли я дедушкины ожидания, или его разочаровала моя просьба о помощи?

Он обратился к Магнусу:

– Спасибо за ее благополучное возвращение домой. Возникли какие-либо проблемы?

– Нет, – отозвался корбий. – Я не учуял ничего, что могло бы представлять для нее опасность. Ведьм там не было.

– Ведьм – нет, зато был стригой, – твердым голосом сказала я. – Его зовут Николай Лазарь.

Магнус издал какой-то неопределенный звук.

– Этот ублюдок в Аквинкуме? Что он там забыл?

– По-моему, он искал меня. А зачем ему это делать, если не для того, чтобы передать меня королеве ведьм? Я бы не позвала на помощь, если бы не была уверена.

Магнус удивленно посмотрел на меня, и я выдержала его взгляд. Неужели он думал, что я все та же запуганная девочка, что и больше четырех лет назад? Тогда я не просто заявила, что справлюсь одна, потому что мне надоело все время бежать. Нет, я должна была доказать самой себе, что способна избавиться от страха, который преследовал меня с той роковой ночи, когда убили моих родителей, брата и сестру. До тех пор я боялась собственной тени. Но я уже не та девочка из прошлого. Я выжила. Одна. Пока не появился этот проклятый Николай Лазарь.

– Ты его не видел? – спросил дед у Магнуса.

За прошедший с нашего последнего разговора год дедушка заметно постарел. Его щеки словно ввалились, кожа приобрела нездоровый желтоватый оттенок, а седые волосы истончились. У меня внутри разлился холод. Что, если он умрет до того, как у нас появится шанс по-настоящему узнать друг друга? Все эти годы мы встречались только через дым. А о времени до убийства семьи у меня сохранились только обрывки воспоминаний. Хотя тогда мне было уже десять лет, и чисто теоретически я должна помнить гораздо больше, но у меня просто не получалось. Казалось, что

в ночь трагедии захлопнулась дверь, которая иногда открывалась лишь на секунду. Я не знала, читал ли мне дедушка какие-нибудь истории и учил ли магии. Не знала, обращались ли мы за помощью к Великой Богине или был ли у нас вообще совместный досуг. Все, что я знала: когда он умрет, я окончательно останусь одна. Разумеется, в ковен входили и другие члены, но это совсем другое. Я всегда надеялась однажды стать частью семьи, пусть и очень маленькой. Сейчас же меня сковал страх, что моя мечта не исполнится. Сколько ему еще осталось? Скажет ли он мне, если я его об этом спрошу?

– Нет, – ответил Магнус. – Если Лазарь там был, то скрылся до моего появления.

– Он был там, – резко сказала я. – Иначе откуда мне известно его имя?

Магнус сдержанно пожал плечами.

– Это не имеет значения. Он не представляет для тебя опасности. Пока нет, – произнес дедушка. – Оставь нас одних, – велел он Магнусу. – Я проведу Валеа небольшую экскурсию и все ей покажу.

– Как пожелаешь. – Магнус низко поклонился. Высокая деревянная дверь открылась, повинувшись молчаливому приказу, и я почти не слышала, как она захлопнулась после его ухода.

Язычки пламени, которые плясали у меня на плечах, исчезли, когда дед повернулся к алтарю, и дал мне знак встать

рядом с ним.

– Давай выразим Богине нашу благодарность за то, что она привела тебя домой в добром здравии. А потом нам нужно будет кое-что обсудить. – Он поднял чашу с края алтаря и поставил ее в центр. Из другого сосуда верховный жрец взял соль и аккуратно провел ровную линию по внутреннему ободку чаши. – Положи на соль семь лепестков, – попросил меня он и указал на тарелку, где лежали красные лепестки роз. А после того, как я закончила, установил в середину чаши белую свечу. – Зажги ее.

– Ardeatus. – Я потерла большим пальцем правой руки об указательный, и фитиль вспыхнул.

– Этот огонь будет гореть семь дней, – объяснил дедушка. – Я буду приходить каждый день и благодарить ее снова.

Он ничего не сказал насчет того, что я буду его сопровождать. Неужели он собирался отправить меня обратно, потому что от Николая Лазаря не исходило угрозы? Я слишком остро отреагировала? Нет никакого заговора между стригоями и королевой ведьм? Неужели слишком бурное воображение сыграло со мной злую шутку?

– Дедушка, – начала я, потому что мне срочно требовались ответы.

– Расслабься, Валеа. Закрой глаза и посмотри на двери, которые открывает перед тобой Великая Богиня, – сказал он мне и опустился на колени. – Все остальное обговорим позже.

Я сделала три глубоких вдоха, чтобы очистить разум. Так, как делала раньше бесчисленное количество раз, но сегодня это было очень трудно. Я попробовала снова. Дыхание начало выравниваться, а потом энергия родной земли потекла сквозь мое тело, постепенно заполняя меня полностью. Ощущение присутствия дедушки исчезло, и я стала единым целым с домом Богини. Вдыхала аромат сандалового дерева и благовоний, пока во мне вибрацией отдавался тихий звук, который словно исходил прямо из недр земли. Я отпустила свои страхи и полностью сконцентрировалась на этом месте, пропитанным магией моих предков, так что внутри меня наконец воцарилось спокойствие.

– Мы благодарим тебя, Великая Богиня, за защиту нашей дочери, – нарушил тишину дедушкин звонкий голос. – Веди ее в темные времена, которые ждут нас впереди. Позволь ей быть с тобой, как пребываем с тобой мы. Помоги ей не упустить из виду цель, ради которой она встанет на правильный путь.

Нас ждали темные времена. Значит, я не ошиблась. Но я не испугаюсь и буду поддерживать дедушку. Он больше не один, как и я. Мы будем бороться со злом вместе.

Когда он закончил свою благодарность, наступила моя очередь. Я откашлялась. Великая Богиня на долгие годы стала моей утешительницей. Она знала, как сильно я хотела вернуться домой.

– Спасибо тебе, – прошептала я, сдержав подступающие

слезы. Сегодня день радости. – Я не разочарую тебя и буду защищать всех, кто тебя любит и боготворит. Обещаю.

Когда я вновь открыла глаза, пламя свечи слегка дрогнуло. Дым образовал семь ровных колец, которые по очереди поднялись вверх. Богиня приняла мою благодарность. Я с облегчением повернулась к дедушке, который посмотрел на меня загадочным взглядом и встал, что явно далось ему с трудом.

– Идем, дитя мое. Пора ответить на все твои вопросы.

Мы покинули зал и вышли в широкий коридор.

– Магнус перенес тебя в Раску. На протяжении нескольких веков эта крепость является постоянным местопребыванием нашего ковена. Когда-то у нас был замок глубже в горах, однако двести лет назад он был разрушен стригоями.

Все это мне было уже известно из книг, которые он присылал, но я не перебивала. Члены ковена всегда жили вместе. Мастера руководили им и принимали новых послушников и послушниц. Они обучали их, чтобы те, если будут к этому стремиться, могли достичь следующего уровня и сдать экзамен на ранг иерофанта. Виккан не обязывали жить всю жизнь в родном ковене. Они могли поменять его или покинуть, если выбирали себе партнера. Если ковен чересчур разрастался, то основывали еще один – дочерний.

– Эти войны так много всего уничтожили. Слишком много. – Казалось, что дедушка беседовал сам с собой. – Пришло время положить этому конец.

– Мир длится уже сорок лет, – тихо откликнулась я. – Этим Ардял обязан тебе.

– И мы должны позаботиться о том, чтобы договор не нарушался и в будущем, – заявил он. – Мы больше не можем позволить себе воевать. Я могу рассчитывать на твою поддержку?

– Конечно.

Дедушка остановился. Дыхание у него сбилось, и в мерцающем свете факелов, воткнутых в металлические держатели на стенах, его лицо выглядело еще более желтым, чем раньше.

– Просто скажи мне, что делать, – торжественно пообещала я. Все эти годы он заботился о моей безопасности. Теперь мой долг – дать ему что-нибудь взамен. Ему и моему ковену.

С облегчением кивнув, дед положил руку мне на плечо:

– Ты доброе дитя, Валеа. Будет нелегко, но если каждый из нас принесет что-то в жертву, то наша цель будет достигнута.

Он пошел дальше. В конце коридора находилась дверь. Я хотел предложить дедушке опереться на меня, но промолчала, боясь задеть его гордость. Молча и в его темпе мы продолжили путь. А когда добрались до двери, у него на лбу выступил пот, хотя в этом крыле было довольно прохладно.

– Открой ее, пожалуйста, – велел мне он.

Я попыталась сделать это при помощи магии, но выяснилось, что она вся израсходована. Того, что я вызвала дедуш-

ку, и недавних легких огненных чар оказалось достаточно. Жалкое зрелище. Не смея взглянуть на верховного жреца, я толкнула обитую железом дверь и прошла под аркой. Перед нами простирался пустующий внутренний двор.

– Я распорядился подготовить для тебя комнату в жилой башне. Ты ведь почти не была в Раске, – сказал дед. В голосе сквозила печаль. – Твой отец был из другого ковена, и мама после свадьбы ушла вместе с ним.

– Я не знала, – призналась я. Ничто вокруг не казалось мне даже отдаленно знакомым.

Дедушка засунул руки за лацканы плаща и грустно кивнул.

– Я так и думал. Наверное, так даже лучше.

С этим я согласиться не могла. Я надеялась, что все утраченные воспоминания вернутся, стоит мне возвратиться в Ардял. Надеялась, что закрытая дверь распахнется настежь и я смогу вспомнить больше о своем детстве. Все эти годы то обстоятельство, что я столько всего забыла, ощущалось как предательство. Но ничего не произошло. Я забыла все, потому что те воспоминания причиняли слишком много боли, и они не вернулись.

– Иногда я вспоминаю дом в лесу, – помедлив, сказала я. – Можешь рассказать мне что-нибудь о нем?

Он печально улыбнулся:

– Твои родители проводили там летние месяцы. Им стоило быть осторожней. Это было слишком опасно, но твоя мать

любила природу. Будучи целительницей, она предпочитала лес жизни в четырех стенах. Она унаследовала это от твоей бабушки.

– У меня есть бабушка? – меня охватило волнение.

– К сожалению, она ушла в страну вечного лета еще до твоего рождения. – Дед избегал смотреть мне в глаза.

– Ты должен был раньше разрешить мне вернуться к тебе. Мне следовало быть рядом. Мы могли бы скорбеть вместе.

– Принимая решения, нельзя идти на поводу у своих эмоций, – произнес верховный жрец. – Однажды ты это поймешь, и, возможно, тебе тоже придется принимать решения, требующие большого мужества. – Внезапно его голос зазвучал твердо и сильно.

Я понимающе опустила голову:

– Если это пойдет на пользу нашему ковену, я буду рада их принять.

На другом конце арочного прохода открылась дверь, и через двор быстрым шагом прошли две женщины. Я почувствовала на себе их любопытные взгляды, хоть их лица и скрывали плащи кремового цвета.

– Это...

– Послушницы, – подтвердил дедушка.

– Ты не представишь меня им?

Взяв меня за руку, он покачал головой:

– Есть пара вещей, которые тебе следует знать.

Была середина дня, однако во дворе крепости царила зло-

вещая тишина. На зубчатых стенах стояло несколько мужчин в зеленых плащах. В остальном – никого вокруг. Тем не менее дедушка понизил голос, как будто боялся, что нас кто-то подслушает.

– Только Магнус и я знаем, кто ты на самом деле. Так оно и должно оставаться. – В его голосе звучала настойчивость, а взгляд безжалостно удерживал меня на месте. – Потому что ты по-прежнему в опасности.

Моргнув, я подумала, что ослышалась. Он не хотел меня признавать?

– Это ради твоей защиты. И у меня есть для тебя задание. Речь идет о благополучии нашего ковена. Вот почему я решил тебе вернуться.

Не потому, что мне грозила опасность? И возможно, это просто игра моего воображения, но в последнем предложении промелькнула угроза отправить меня обратно, если я не справлюсь с задачей. Я расправила плечи, потому что никогда такого не допущу. В десять лет у меня не оставалось иного выбора, кроме как подчиниться. В двадцать два же я могла за себя бороться.

– Что мне нужно сделать?

– К этому мы вернемся позднее. А пока, во-первых, ты будешь звать меня не дедушкой, а Раду, как все наши братья и сестры. И никому не рассказывай, кто твои родители.

Я нахмурилась:

– Великая Богиня запрещает нам лгать.

– Сокрытие правды необязательно является ложью. Я не хочу рисковать. Мне стоило больших усилий тебя защитить.

– Но что, если...

– Мы не будем спорить с тобой на эту тему, – нетерпеливо перебил меня дед, прежде чем я успела продолжить.

– Если смерть твоих родителей что-то и прояснила, так это то, что королева ведьм не приняла договор. Она хотела новой войны. Надеялась спровоцировать нас этими убийствами, чтобы мы нарушили пакт. Тогда ее план провалился. Мы спрятали тебя, чтобы ты могла вырасти в Ардяле или где-то еще. Если она выяснит, что ты жива, то отправит своих приспешников, чтобы закончить начатое. Ты свидетельница ее преступления. – Он положил руки мне на плечи. – Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Но я ничего не помню о той ночи. Я даже обвинить ее не смогу. – Это была не совсем правда. Некоторые воспоминания все же были, всего лишь фрагменты, и я никогда никому о них не говорила, потому что бросила свою семью в беде и просто убежала. На протяжении многих лет я снова и снова старалась вспомнить больше, но эта ночь оставалась зияющей дырой.

– Селеста этого не знает, – с нажимом ответил Раду. Я вздрогнула, когда с его уст с такой легкостью сорвалось имя королевы ведьм. – Я не готов рисковать. И ты нужна мне рядом. Я рассчитываю на это и не потерплю возражений.

Мне претило подчиняться приказам других людей. Для

меня было важно принимать собственные решения, но это мой дедушка, и он так много для меня сделал.

– Доверяй только членам своего ковена и больше никому, – настойчиво сказал он.

– Хорошо, – поколебавшись, откликнулась я. – Но мы когда-нибудь призовем ее к ответственности за то, что она совершила? – если ради этого мне придется скрыть правду, то я это сделаю.

У него на лице отразилась тревога, и дедушка коснулся двумя пальцами моего лба. По коже растеклось тепло.

– Путь мести – это не путь виккан, дитя мое, – мягко вразумил меня он. – Любовь – единственное, что имеет значение.

Любовь. Я почти не помнила, каково это – быть любимой, поэтому просто кивнула в знак согласия. То, что я буду выполнять его приказы, не означало отказ ото всех моих целей.

– Я не хочу мстить, я только хочу знать, почему она убила именно мою семью.

– Потому что хотела меня спровоцировать, бросить мне вызов. Отнять у меня самое дорогое. Селеста не понимает, что ковен превыше всего. Она думала, если убьет мою дочь и внуков, то я снова развяжу войну. Она надеялась меня уничтожить.

– Но у нее не получилось.

– Нет. Я давно простил ее и тем самым ступил на путь Богини. Тебе тоже следует это сделать. Сосредоточься на зада-

че, которая стоит перед тобой сегодня.

Хотелось бы мне, чтобы моя вера была так же сильна, как его. Хотелось бы оставить прошлое позади.

Дедушка взял меня за руки.

– Сам живи и другим не мешай, в меру возьми и в меру отдай. Три круга один за одним начерти и ото зла себя защити, – процитировал он одно из наших убеждений. – Только если будем придерживаться этих правил, нам удастся сохранить мир. Ненависть отравляет душу.

Он прав. Мой разум знал это, но сердце все равно болело.

– Ты верховный жрец. Я буду больше стараться, чтобы угодить Богине.

– Хорошо. – Дед выглядел довольным. – А теперь отдохни. Я распоряжусь, чтобы тебя проводили в твою комнату. Прими ванну и переоденься. Увидимся за обедом. И тогда я дам тебе дальнейшие инструкции. – Затем он махнул послушнице, которая появилась в воротах с ветками кроваво-красной смородины в руках. – Отведи Валеа в ее комнату и приготовь ей ванну, – приказал Раду.

Она коротко кивнула, не посмотрев на него. А потом так быстро двинулась вперед, что я едва за ней поспевала. Я не знала, сколько членов в нашем ковене. Раска казалась мне практически пустой. Однако, когда я бросила взгляд на жилую башню, в одном из окон что-то шевельнулось. Мы вошли в здание через маленькую дверь. Стены лестничной клетки покрывала штукатурка оттенка светлой охры, а в ок-

на проникало достаточно много света. Девушка молча повела меня на четвертый этаж. Из коридора вело несколько дверей. Послушница открыла одну из них и пропустила меня в комнату, обставленную простой деревянной мебелью. Она оказалась немногим больше, чем моя хижина в Аквинкуме, но уютней и чище. В вазе на прикроватной тумбочке стояли желтые нарциссы, там же лежало несколько книг. Девушка прошла еще в одну дверь, за которой обнаружилась ванная комната. Она встряхнула полотенце и повесила его на держатель. Ванна на львиных лапах стояла посреди помещения и оказалась уже наполненной. Послушница провела над ней ладонью, и вскоре от воды начал подниматься пар. Я мечтала смыть с себя мир людей... вместе с воспоминаниями о Николае. Однако мне пришлось заглушить угрызения совести, которые охватили меня при мысли о нем. Видимо, я погорячилась. Во всяком случае, дедушку не встревожило его присутствие в Аквинкуме. Если когда-нибудь снова встречу с Николаем, определенно нужно будет перед ним извиниться.

– Большое спасибо. Как тебя зовут? Ты давно стала послушницей? – спросила я у своей спутницы.

Та внимательно посмотрела на меня и начала жестикулировать в ответ.

– О, ты немая?

У входа в комнату послышался смех, и я резко развернулась.

– Ее зовут Коринн. Она дала обет молчания. – Прислонив-

шись к косяку, в дверном проеме стояла молодая женщина. — Так обязаны делать все послушники, которые желают войти в ковен и впоследствии претендовать на более высокий ранг. Они молчат два года, а потом либо сходят с ума, либо становятся как шелковые. — Ее оценивающий взгляд скользнул по моей одежде. Сама она была одета в зеленый плащ ковена и выглядывающее из-под него светлое платье. А когда девушка опустила капюшон, я увидела знакомые глаза. Глаза, которые я и не надеялась когда-нибудь увидеть.

Я ухватила за стул, чтобы не упасть. Это все сон? В действительности я не вернулась в Ардял, а лежала в своей кровати в Аквинкуме и спала? От отчаяния хотелось кричать и топтать ногами, но я не издала ни единого звука. Горло словно сжалось. Гостья улыбнулась, однако она не выглядела дружелюбной. И эту улыбку я тоже хорошо помнила. Раньше я видела ее на лице двенадцатилетней девочки, с которой боролась за любовь нашего отца. Но та девочка давно мертва. А может, я и не в Ардяле, и не в Аквинкуме, а в стране вечного лета? Николай все-таки меня убил?

Она поджала губы.

— Ты ничуть не изменилась. — Это звучало не как комплимент.

— Лупа, — хрипло выдавила я из себя, бросилась вперед и повисла у нее на шее. По щекам полились слезы, которые я не могла сдержать. — Лупа. — Это не сон. Сестра была настоящей. Даже то, что ее тело рефлекторно напряглось, было

мне знакомо. С самого детства ей не нравилось, когда к ней прикасались. – Ты жива, – выпалила я сквозь рыдания, когда она меня отстранила. – Как такое возможно?

– Это ненадолго, если ты меня раздавишь. – Меня рассмешило выражение ее лица, такое же хмурое, как и всегда.

Я взяла сестру за руку, потому что мне было просто необходимо удостовериться, что она из плоти и крови.

– Почему де... – у нее расширились глаза. – Раду, – исправилась я, потому что послушница до сих пор стояла в ванной. – Почему Раду мне об этом не рассказал?

– У него свои причины. Смой с себя вонь человеческого мира, а потом увидимся за обедом. Не говори ему, что я испортила сюрприз. Он будет в ярости.

– Не буду, – улыбнулась ей я. Вполне в духе Лупы поступать так, как она сама считала правильным. – Доставим ему такую радость.

Сестра приподняла темные брови:

– Да, доставим.

Мне не хотелось ее отпустить.

– Мы можем отослать Коринн, – предложила я. – Расскажи мне больше. Ты стала такой красавицей.

– А ты сомневалась?

– Ничутьточки.

Разве что думала, будто она мертва. Лупа еще в детстве обладала необыкновенной внешностью. Стройная и гибкая, словно хлыст, с длинными белоснежными волосами, как у

нашей матери, теми же льдисто-голубыми глазами и полными красными губами. Она была очень похожа на маму.

— Увидимся позже. Я просто хотела увидеть, какой ты стала. Так что не сдавай меня. — Как и прежде, в ее последних словах прозвучала скрытая угроза. На этом сестра развернулась и вышла из комнаты, в то время как я, не веря собственным глазам, продолжала буравить взглядом то место, на котором она только что стояла.

Мне хотелось окликнуть ее, побежать следом, потребовать объяснений, но Лупа уже завернула за угол.

Как такое возможно? Я потеряла лицо обеими руками, стараясь избавиться от смятения. Лупа жива. Она не погибла в ту кошмарную ночь. Я недоверчиво покачала головой. На самом деле я никогда не была совершенно одна. Ее дедушка тоже прятал среди людей? Как он мог так мне солгать? Я была в отчаянии и вне себя от страха, когда Раду меня нашел. Однако он спас и Лупу. А потом украл у нас совместное детство. От злости у меня загорелись щеки. Он не имел на это права. Коринн подошла ко мне и подергала за рукав. Когда я повернулась к ней, она указала на ванную. Нос уловил аромат лаванды.

— Спасибо, — рассеянно сказала я, после чего она кивнула и вышла из комнаты.

Закрыв дверь, я шагнула к кровати и села на нее, разгневанная, расстроенная и растерянная одновременно. Раду знал, как страшно и одиноко мне было. Я с трудом сдер-

жала порыв найти его и немедленно потребовать объяснений. Останавливала только просьба Лупы. Я встала и начала раздеваться. Прошла в ванную, опустилась в горячую воду, однако получить от этого удовольствие не удавалось. Я изо всех сил старалась разобраться в своих эмоциях. Получалось плохо. Но слепые обвинения тут не помогут. Лавандовое масло ласкало кожу, будто мягким бархатом. Несмотря на волнение, я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Всего за несколько часов моя жизнь кардинально изменилась. Если бы Николай сегодня не появился в библиотеке, мне бы сейчас нужно было отправляться на рынок. А вместо этого я попала в Ардял и выяснила, что сестра, которую я считала погибшей, жива. Наверняка дедушка приведет весомые аргументы, почему он столько лет хранил эту тайну, но мне все равно казалось, что это неправильно. Впрочем, даже если я начну обвинять Раду, это ничего не изменит. Я вымыла волосы розмариновым мылом, которое лежало на краю ванны, тщательно их прополоскала и натерла тело сахарным скрабом, который тоже обнаружился рядом. От него пахло миндалем и ванилью. Никогда еще я не позволяла себе такой роскоши. Все это время я старалась побороть свой гнев, но потерпела неудачу.

На кровати я нашла свежее нижнее белье и простое платье из темно-синего льна с маленькими рюшами на рукавах. Мои собственные вещи пропали, и вот так просто я стряхнула с себя жизнь в Мунтении. В Ардяле меня ждали дру-

гие испытания. Мне предстояло многое наверстать и многому научиться. Моя магия, как выразился Николай, почти не развита, но я сделаю все, чтобы однажды она раскрылась в полную силу. Лишь тогда от меня будет какая-то польза ковену. Если для этого необходимо скрывать, кто я такая, то я на это пойду. Пока что. Может, моя жизнь среди людей и была одинокой, но мне не приходилось никому подчиняться. Теперь с этим покончено. В общине на первое место ставят интересы коллектива, а не отдельного человека. Хочешь не хочешь, а придется привыкнуть к тому, что у меня больше не получится принимать все решения самостоятельно.

Надев нижнюю рубашку, я уселась перед камином и терпеливо расчесывала волосы до тех пор, пока они не высохли. Затем я надела верхнее платье и накинула зеленый плащ, который указывал на мое членство в ковене. Закончив, я взглянула на себя в зеркало. Из нас троих, двух сестер и брата, я больше всех была похожа на отца. И сходство не ограничивалось одной внешностью. В то время как Кирилл предпочитал сидеть с мамой дома и помогать ей с целебными травами, мы с папой могли часами бродить по лесу. Иногда даже оставались на ночь в горах. Тогда я чувствовала себя в безопасности и ничего не боялась. А после его смерти быстро поняла, что легко быть смелой, когда рядом есть человек, который держит тебя за руку. Быть смелой в одиночку намного сложнее. Но теперь я не одна. Богиня вернула мне Лупу.

Когда я вышла из комнаты, в коридоре уже стояла Ко-

ринн.

– Отведешь меня к верховному жрецу? – попросила ее я. – Он меня ждет.

Она кивнула, и я вновь последовала за ней по коридорам жилой башни на самый нижний этаж до большого зала, посреди которого стоял длинный стол, накрытый на четыре персоны с одной стороны.

Раду ждал перед одним из высоких арочных окон, сквозь которые в зал проникал свет. В его глазах сверкнула гордость, когда он увидел на мне плащ.

Этот зал тоже был обставлен простой мебелью. За исключением длинного стола, вокруг которого стояло десять стульев, на каменных стенах висело лишь несколько гобеленов, а в камине горел огонь. Из глубоких тарелок на столе поднимался пар, распространяющий вокруг запах овощей, рыбы и свежей зелени. Другая послушница принесла ярко-алое вино, после чего исчезла за неприметной дверью в боковой части комнаты.

– Кто составит нам компанию за обедом? – спросила я и направилась к деду. – Магнус?

– Нет, не Магнус. – Он прочистил горло. – У меня есть для тебя сюрприз. Верховный жрец поднес к губам бокал, как я подозревала, чтобы потянуть время, и вдруг скрипнула входная дверь. Он сердито нахмурился.

Оглянувшись, я собралась подмигнуть Лупе и дать понять, что я ее не выдала, однако в дверном проеме стояла не

она, а молодой человек. Сердцебиение участилось, когда я разглядела черты лица, которые раньше были знакомы мне не хуже своих собственных, хотя мы никогда особо не были похожи друг на друга.

– Кирилл? – почти беззвучно произнесла я, а затем перед глазами потемнело. Раду подхватил меня за руку, прежде чем у меня подкосились ноги. Я закрыла глаза и снова открыла. А потом еще раз закрыла, но видение не исчезло. Молодой человек в дверях – мой брат. Мой брат-близнец. Он подошел к нам и не развеялся как дым.

– Валеа, – невозмутимо поздоровался со мной брат и, кажется, ни капли не удивился при виде меня. Так же как и Лупа недавно.

Хорошо, что Раду все еще меня поддерживал, потому что мир вокруг меня кружился. Тем временем за спиной брата появилась Лупа. Когда сестра язвительно ухмыльнулась, мне стало ясно, почему она не упомянула о Кирилле. Хотела выбить меня из колеи. Еще в детстве она любила меня провоцировать только для того, чтобы я закатила истерику и получила выговор от мамы и папы. Однако я уже давно не закатывала истерик. Никому не нравится ребенок, который не умеет контролировать свои эмоции. В окружении совершенно незнакомых людей я быстро это усвоила.

– Вы живы. Оба!

Кирилл лишь коротко кивнул. Лупу я до этого обняла, его же хотела сгрести в охапку и утащить подальше отсюда. Хо-

тела, чтобы он был только моим и рассказал обо всем, что с ним происходило. Хотела поделиться, как сильно по нему скучала. Ведь он был не просто моим близнецом, а значит, моей второй половиной, но и моим лучшим другом. В четыре года мы поклялись, что между нами никогда не будет секретов и что никто из нас ни за что не бросит другого. Я нарушила клятву. В ночь огня убежала и спряталась. Я не помню, искала ли его перед этим. И где был он – тоже. Когда Магнус меня нашел, то сказал, что вся моя семья мертва, и я ему поверила, потому что нам запрещалось врать.

– Мама и папа тоже живы? – рассерженно выпалила я. Все-таки у меня не так хорошо получалось контролировать гнев, как мне казалось.

Раду с сожалением покачал головой:

– Нет. Прости, Валеа. Мне пришлось вас разделить. Тогда я считал, что у меня нет иного выбора. – Он приблизился к столу и указал мне мое место.

Я не могла оторвать взгляд от Кирилла. Мой брат вырос. Как и я. Каждый сам по себе и без помощи другого. Раньше я всегда знала, о чем он думает. Иногда становилось по-настоящему жутко от того, как мы заканчивали мысли друг за другом. Сейчас же брат сидел напротив меня, но даже в глаза мне не смотрел. Неужели он на меня злился? Меня все больше беспокоил его отталкивающий вид. В течение многих лет я страдала от утраты своей семьи, а теперь узнала, что всех ночей, которые я проплакала в одиночестве, можно было бы

избежать. Мы могли поддержать и утешить друг друга. Как Раду мог поступить так жестоко? Ни одно объяснение не в силах компенсировать украденное время.

Дедушкина натянутая улыбка частично маскировала сожаление в его глазах.

– После той роковой ночи я посчитал, что вы не должны оставаться вместе, – начал он. – Не после того, что случилось. Это решение далось мне нелегко. Можешь мне поверить. Но иначе было нельзя. Так как нашим врагам не удалось уничтожить всю нашу семью, я опасался новых нападений. И не имел права рисковать.

Аргумент звучал убедительно, но ведь не могло не существовать другого пути.

– Вы тоже жили среди людей? – спросила я у Кирилла и Лупы. Смотреть на Раду не было сил.

– Слава Великой Богине, нет. Конечно, нет. Нам выпала честь вырасти в Раске. – Сарказм Лупы просто невозможно было не услышать, пусть я и не знала, кому он адресован. Она пристально посмотрела на меня холодным взглядом. – Тебя отослали, потому что ты почти не обладала магией. Твои шансы на безопасную жизнь в Мунтении оказались самыми высокими. Раду хотел вывести тебя из зоны риска. Все ведь так и было, верно?

– Ты самая младшая, – подтвердил он. – За тебя я волновался сильнее всего и верил, что Селеста не найдет тебя у людей.

– Потому что у меня практически нет магии, которую можно учуять, – саркастично вставила я. Николаю Лазарю хватило и этих крох, но я не стала об этом напоминать.

Лупа пренебрежительно хмыкнула и за несколько глотков осушила свой бокал с вином. Она злилась на меня – до сих пор или уже опять. Я не знала, в чем сестра меня винила. То, что я не выросла в Ардяле, – не мое решение и не мой выбор.

– Нужно оставить старые распри в прошлом, – с трудом контролируя себя, попросила я. – Мы и так потеряли слишком много времени. – Двенадцать лет, почти тринадцать, если быть точной. Я посмотрела на Кирилла, однако мой взгляд ударился в стену горечи и обиды. Позже надо будет поговорить с ним наедине. – Я понимаю, что ты стремился меня защитить, – обратилась я к Раду. – Но рано или поздно ты обязан был сказать мне, что они живы. – Я понятия не имела, как его за это простить. И сумею ли я.

– А что бы это изменило?

В голосе Кирилла сквозило презрение. Презрение, которого я не понимала. Я пыталась найти в этом лице мальчика, которым он был, однако вся мягкость исчезла. Его насыщенно-зеленые глаза смотрели на меня с враждебностью. Мальчик, который так любил смеяться, петь и играть, превратился в ожесточенного взрослого. Жизнь украла нашу легкость. Вернее, это сделали наши враги. Кирилл так же коротко и аккуратно стриг черные волосы, как наш отец. У него был такой же хохолок, как у папы. Однако в тонких чертах ли-

ца угадывалась наша мать. Они мало изменились со времен нашего детства, а вот выражение его глаз – еще как. Там, где раньше радость лилась через край, сейчас остались лишь смирение и тоска.

– Ты ведь комфортно чувствовала себя в Аквинкуме, не так ли? Только не говори, что скучала по нам, – нарушил тишину голос Лупы. – Хорошо выглядишь.

И снова это звучало не как комплимент. И пусть сама она казалась точной копией нашей матери, на стройной фигуре, оттенке кожи и волос сходство с той нежной, чуткой женщиной заканчивалось. Мама не носила колец ни в носу, ни в нижней губе, ни в ушах. А каждый взгляд серебристо-голубых глаз, был полон теплоты и заботы, а не цинизма, как у Лупы.

В голове мелькнул вопрос, не было ли мое одинокое детство среди людей лучшей долей? Стремясь сохранить каждое воспоминание о своей семье, я пыталась в мельчайших деталях усвоить викканское учение. После того, что произошло, это не всегда давалось мне легко, но я делала все, что могла. Я росла импульсивным ребенком и всегда стремилась добиваться своего. Однако гибель семьи преподавала мне жестокий урок: нам слишком часто приходится покоряться судьбе. Гнев или ярость ничего не изменят. Зато принятие своей судьбы такой, какой ее задумала Богиня, требовало дисциплины и огромного количества позитивной энергии, чтобы еще больше не усиливать негатив в мире. Потому что

только добро притягивало добро. А та атмосфера, которая ощущалась в этом зале, никак не могла прийти по душе Богине.

– Я всегда хотела домой и очень сильно по вам скучала. Долгие месяцы, а точнее годы. – Собственную злость я заперла за толстой стеной. Раду был прав. Необходимо оставить прошлое в прошлом. Смерть наших родителей, дедушкин обман и ссоры из детства. Я хорошо помнила, как мы с Лупой соперничали за любовь отца, и, так как я была младше, мне чаще позволяли сидеть у него на плечах или на коленях. Я спала в родительской постели, когда мне снились кошмары, в то время как Лупе полагалось быть старшей и разумной сестрой. И я не раз показывала ей язык, когда папа читал сказку на ночь мне первой. – Я скорбела по вам, – сказала я.

На лицах брата и сестры не дрогнул ни один мускул. Внутри меня росло разочарование, но я не хотела сдаваться. Буду бороться за нас до последнего, поклялась себе я. Ведь то, что ты отдаешь, рано или поздно тебе возвращается.

– Ты уже говорил ей, почему разрешил Магнусу привести ее обратно? – повернулась Лупа к Раду.

– Нет. Хотел дать вам время заново узнать друг друга. Думал, может быть, вы захотите провести вечер вместе. Одни.

Кирилл прищурился:

– Нам не нужно время. Оно у нас заканчивается. Чем быстрее мы введем ее в курс дела, тем лучше.

Я могла понять, почему сердилась Лупа, но его гнев выглядел совершенно необоснованным. Его я всегда поддерживала. Только не в ту ночь.

– Ты все это время знал, что я жива? – спросила я у брата.

– Естественно. Раду сразу мне рассказал, после того как отослал тебя. – Голос Кирилла звучал бесцветно. Это случилось в ночь нападения. Раду не дал мне передышки. Я плакала, кричала и звала Кирилла. Это я прекрасно помнила. И о том, как Магнус отнес меня к человеческой семье, абсолютно чужим людям.

– Но... ты никогда не пытался со мной связаться.

– А с чего бы мне это делать? – когда он наконец посмотрел на меня, холод в его взгляде пронзил меня до глубины души.

– Потому что я твоя сестра. Сестра-близнец. – Мы были неразлучны. Неужели он забыл?

Лупа с усмешкой положила овощей себе на тарелку, и я почувствовала себя незваной гостьей. Они вместе выросли в Раске и не нуждались во мне. Я отказывалась жалеть саму себя. Это ничего не изменит. Потянувшись к миске с картофелем, я взяла оттуда немного. Позже, подбадривала себя я. Позже мы с Кириллом поговорим наедине.

– Твои брат и сестра правы, чем быстрее ты обо всем узнаешь, тем лучше, – произнес Раду, тоже накладывая себе еду и делая вид, будто не замечает напряжения между нами. – Нам нужна твоя помощь.

– В чем? – Я сделаю то, что требуется, если за это мне разрешат остаться. На этот раз навсегда. Мне нужно наладить отношения с Кириллом. Нужно пробить стену, которую он возвел вокруг своего сердца. Брат должен понять, что я по-прежнему люблю его так же сильно, как в детстве. Я буду бороться за Кирилла.

– Кое-что случилось. – Дедушка аккуратно разрезал морковь. – Нечто такое, на что я не рассчитывал. Селеста вернулась в Ардял. – В камине разломилось полено, и полетели искры.

– А где она была? – в замешательстве уточнила я. Я ничего не знала о событиях в Ардяле, потому что дедушка мне не рассказывал. Будь все иначе, я бы знала и о личности Николая.

– Никто точно не знает. Она пропала на много лет, – ответил он. – Я не сомневаюсь, что на протяжении этого времени она что-то затевала. Что-то ужасное. Это означает, что мир хрупок, как никогда прежде, и мы должны сделать все, чтобы его сохранить. Каждый из нас.

– Этот мир всегда был просто иллюзией, – буркнула Лупа. – Нужно воспользоваться шансом и избавиться от стригоев. Одной проблемой будет меньше. Что мешает им заключить союз с Селестой? Они сейчас уязвимы, как никогда.

Избавиться от стригоев? Как же она планирует это устроить и почему? Я нахмурилась. Возможно, я все-таки не ошиблась, подозревая Николая в сговоре с королевой?

– Мы не будем никому объявлять войну, – так резко осадил ее Раду, что я вздрогнула. – Мастера ковенон решили не нарушать пакт.

Всего насчитывался двадцать один ковен, и у каждого имелись дочерние. Они были разбросаны по всему Ардялу и возглавлялись мастерами. Много лет назад они избрали нашего деда верховным жрецом. Эта задача стоила ему всего. Хотелось бы мне, чтобы в старости он мог наслаждаться миром, за который так сражался, но, очевидно, не суждено.

– Кто-то уже нарушил пакт, – скучающим тоном сказал Кирилл, – и теперь мертва еще одна викканка. Когда умрет следующая – вопрос времени.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я и отложила приборы в сторону. – Кто умер?

Он не ответил, избегая моего взгляда. Вместо этого положил в рот кусок фенхеля и прожевал медленными размеренными движениями. В детстве брат терпеть не мог овощи. Мама шла на множество ухищрений, чтобы он время от времени ел хоть какие-нибудь, а папа всегда дразнил ее за попытки вырезать из морковки зверя. Это воспоминание возникло так внезапно, словно кто-то вновь приоткрыл дверь в мое прошлое. Помнил ли об этом Кирилл? Я хотела бы поговорить с ним об этом, но он смотрел на меня как на чужого человека. Если заведу такой разговор, они с Лупой, наверное, меня засмеют. Я неловко поерзала на стуле. Меня тянуло дотронуться до Кирилла, убедиться, что это не сон. Мой

брат никогда бы не вел себя так отталкивающе.

Раду промокнул губы белоснежной салфеткой:

– Есть новая жертва.

Лупа невозмутимо орудовала приборами, словно ее это вообще не касалось.

– Что произошло? – твердым голосом спросила я. Судя по всему, здесь, как и в Аквинкуме, слабость была непозволительной роскошью.

– Ее звали София, – вмешался Кирилл. – Она только что завершила послушничество, и ее приняли в ковен.

– Ты хорошо ее знал?

По его лицу мне ничего не удавалось прочесть. Впервые я пожалела, что терзалась такими сомнениями из-за использования своего дара. Мне хотелось узнать все, что Кирилл пережил за эти годы без меня. Хотелось увидеть каждое из его воспоминаний и показать свои. Пусть поймет, какой одинокой я себя чувствовала без него. Как в нем нуждалась и как тяжело мне было двигаться дальше. Я всегда считала, что не сдаваться – это мой долг перед семьей. Сколько раз я предпочла бы остаться в постели, вместо того чтобы вставать и вести жизнь среди людей. Жизнь без магии. Кирилл тоже страдал, это факт. Ковен и Раду не смогли дать ему то, в чем он нуждался. Но он не мог быть таким же одиноким, как я. Или мог? Я плотно сжала губы. Эта ситуация начинала слишком сильно на меня давить. Я не знала, что хотела и что имела право думать и чувствовать. Есть ли какие-то

правила о том, как себя вести, если два любимых человека, которых ты считала мертвыми, внезапно оказываются перед тобой? Если они живы и здоровы, но полностью тебя отвергают? Позволит ли мне когда-нибудь Кирилл посмотреть его воспоминания и показать ему свои? Заинтересуют ли они его в принципе, или он будет злиться вечно?

– Я толком ее не знал, – произнес брат. – Живя в Раске, она соблюдала обет молчания, так что мы никогда не разговаривали. – По крайней мере, он говорил со мной, хоть и не глядя в глаза.

– Что именно с ней стряслось? Кто ее убил? – задала осторожный вопрос я, надеясь, что Кирилл опять не закроется.

– Мы надеемся, что об этом нам расскажешь ты, – вместо брата ответил Радуга, тем самым резко обрывая связь между нами. – Незадолго до Имболка Софию официально приняли в наш ковен и разрешили отправиться в Карайман. Оттуда она неделю назад бесследно исчезла.

– И сейчас вы ее нашли? – спросила я. – Мертвой?

Дедушка кивнул. К этому моменту никто из нас уже не ел.

– Это был несчастный случай? – продолжила я, хотя уже знала ответ.

Кирилл покачал головой:

– Нет. Ее убили. Позавчера мы нашли ее тело. Она была убита всего за несколько часов до этого. Если бы мы раньше...

– Она умерла бы в любом случае, – грубо перебила его

Лупа. – Раны были слишком тяжелыми. С такими не выживают.

– У вас есть подозрения, кто это совершил? – спросила я, радуясь, что голос не дрогнул.

Лупа пожала плечами:

– Надеюсь, один из кровососов. Тогда у нас будет причина нарушить договор.

– Попридержи язык, девочка, – ледяным тоном отрезал Раду.

Сестра лишь задрала подбородок:

– Я их не боюсь, старик. Если я стану руководить этим ковроном, то, несмотря ни на что, проголосую за войну.

– Ты переоцениваешь себя, дитя. – В улыбке Раду появилась чуть ли не мягкость. И все же от него волнами исходил гнев.

Пока эти двое буравили друг друга взглядами, мне бросилось в глаза, как они похожи. Те же черты лица. И пускай у дедушки запали щеки, а веки тяжело нависали над глазами, невозможно было не заметить, что Лупа – его внучка. При этом, хотя Кирилл тоже пошел в мать, между ним и Раду сходства практически не наблюдалось. Все, что у Лупы и Раду было жестким, у моего брата выглядело гораздо мягче.

– Может, сосредоточимся на нашей проблеме? – напомнила я. – Что это за место, куда пошла София? Почему она там находилась и что, по вашему мнению, с ней случилось?

– Карайман – это огромный древний замок. Он располо-

жен в отдаленном горном районе Ардяла и раньше принадлежал ведьмам. Теперь в определенное время года он открыт для всех. Так было решено во втором пакте. В это время молодые ведьмы, стригои и виккане могут приходить в Карайман, чтобы там учиться. В этих стенах собраны все знания нашего мира. Каждый лист бумаги или пергамент, когда-либо написанные магическими существами.

– Библиотека королевы Эстеры? – тихо откликнулась я, и по телу побежали мурашки.

Раду кивнул.

В одной из своих книг я читала об этой библиотеке, которую тысячу лет назад открыла легендарная королева ведьм. Она хотела основать место, где магические создания могли бы вместе мирно учиться. Но я не знала, что она еще существовала. Мысль о том, что все магические знания мира находились в одном-единственном месте, одновременно поражала и пугала. Я бы сумела заполнить все пробелы в собственных знаниях. Возможно, даже выяснила бы, как развить свою неполноценную магию.

– Можно мне туда? – выпалила я.

Лупа тихо вздохнула и закатила глаза.

– Мы вернули тебя не для того, чтобы ты закопалась в старые книги. Нам нужен твой дар. Ты должна проникнуть в воспоминания Софии и рассказать нам, что с ней произошло.

Я недоуменно уставилась на нее.

– Как бы мне ни хотелось помочь, не знаю, сработает ли мой дар с мертвой. – Так вот зачем я здесь?

– Ты попробуешь. Нам необходимо выяснить, кто сделал это с ней и почему. Договор нарушен, но я не буду никого обвинять в убийстве без доказательств. – Раду встал, и Кирилл тоже сразу отодвинул свой стул. – Идемте, – велел нам дед. Вся его немощность будто исчезла без следа. – Чем раньше мы все узнаем, тем лучше.

Он не дал мне время на размышления и не стал дожидаться согласия. Мне это не понравилось, однако, если это означало, что я смогу остаться и наладить отношения с Кириллом, я попробую сделать то, что он требовал. Даже если из этого ничего не выйдет. Отныне я не позволю ему определять мою жизнь. Я больше не ребенок, и чем скорее Раду это поймет, тем лучше.

Глава 5

КРЕПОСТЬ РАСКА В АРДЯЛЕ ПОСЛЕ ОСТАРЫ

– Хотелось бы мне, чтобы обстоятельства нашего воссоединения были не такими драматичными, – сказала Лупа, пока мы пересекали двор замка. Между тем уже близился вечер, так что двор уже выглядел не таким пустующим. Группа женщин, стоявших у входных ворот, с любопытством косилась на нас. – Я уже давно просила Раду вернуть тебя.

– Почему?

Во мне тихо тлел гнев за потерянные годы. Возможно, поэтому мой тон прозвучал не так дружелюбно, как должен был, но моя голова была полна вопросов, которые я хотела задать Лупе. Однако за прошедшие годы мне приходилось быть такой осторожной в отношении тех, кому доверять, что так легко избавиться от этой привычки не получалось.

– Передо мной нет смысла разыгрывать этот спектакль. Ты злишься. Просто спокойно это признай. Тут нет ничего такого. Мы все злимся. – Она рассматривала свои ногти, накрашенные темно-зеленым лаком. – Он неправильно поступил, разлучив тебя с нами.

– От злости никакой пользы. Все так, как есть, и мы не можем изменить прошлое. Зато мы можем попытаться сделать настоящее лучше, – твердо заявила я. Солнце стояло ровно над вершиной жилой башни и готовилось к закату. Мне не верилось, что день уже подходил к концу. Сегодня столько всего произошло.

– Если бы не смерть Софии, тебя бы сейчас здесь не было, – напомнила мне сестра. – А она уже тоже часть прошлого.

– И он бы оставил меня в Аквинкуме навсегда? – я просто не могла не задать этот вопрос.

– Да, – коротко откликнулась она. – До сих пор ты не приносила ему никакой пользы.

– Что ты имеешь в виду? – неправильно, что гибель этой девушки дала мне то, чего я так отчаянно желала. Это навеки связывало ее судьбу с моей.

– Ты скоро узнаешь. Зрелище, которое тебе предстоит увидеть, не для слабонервных, – продолжила Лупа. – Надеюсь, у тебя крепкий желудок. Кстати, мне даже сейчас пришлось его уговаривать тебя вернуть, – сердито добавила она. – Так что, если хочешь остаться, тебе придется постараться, и ты передо мной в долгу. – Несколько изящных шагов, и сестра догнала Раду.

Ее место занял Кирилл:

– Однажды она потребует вернуть этот долг.

Прозвучало как предостережение и, возможно, предложение мира.

– Поговорим позже? – спросила я. – Только мы двое. – Как раньше, хотелось добавить мне.

Кирилл хоть и вырос, но стал выше меня всего на полголовы. Он взглянул на меня, прищурившись.

– Что нам такого обсуждать, чего нельзя слышать Лупе

или Раду, – отверг меня брат. – У виккан нет секретов друг от друга. Это одно из наших правил.

– Я надеялась, что мы сможем провести немного времени наедине, – настаивала я. – Мне столько всего нужно тебе рассказать. – Есть правила, которые можно и нарушить – даже нужно.

– Меня не интересуют твои истории. Ты прожила свою жизнь, а я – свою. Просто делай то, чего ожидает от тебя Раду.

Яснее отказа быть просто не могло. Но так просто я его не отпущу. Разве он не понимает, как мне было одиноко? Его вообще волнует, что я пережила, в то время как ему позволили остаться в Раске с Лупой? Как он мог быть таким бессердечным?

Дедушка и Лупа добрались до двери, перед которой стоял охранник. Мужчина открыл дверь, и в первый миг мне почудилось, что за ней зияла пропасть. Однако там оказалась лестница, круто уходящая вниз.

– Внизу наши мертвые обретают последний покой. – Раду взял меня за руку, когда я инстинктивно отпрянула. – Не бойся.

– Я не боюсь, – солгала я. Я почувствовала запах, напоминающий мне о чем-то, хотя я никак не могла вспомнить, о чем именно. Просто знала, что это плохое воспоминание.

Лупа подхватила факел, который передал ей страж, и я последовала за ними тремя вниз по ступеням, ведущим в

склеп. В стенах стояло множество саркофагов. Факелы и подсвечники плохо освещали помещение, однако фигуру, накрытую белой льняной тканью, лежащую в самом центре на каменном столе, нельзя было не заметить. Раду осторожно снял покрывало с трупа. Когда из-под него показалось лицо девушки, я ахнула от ужаса. Когда-то выющиеся рыжие волосы стали грязными, из них торчали сухие листья. Кожа, некогда, вероятно, оттенка охры, потускнела до серого цвета. Нежные черты лица исказила гримаса боли, которая отчетливо различалась, хотя мы видели лишь половину ее лица, так как она лежала на животе. Глаза до сих пор были открыты и невидящим взглядом смотрели в пустоту.

– София была чрезвычайно одаренной молодой викканкой, – сказал Раду с печалью в голосе. – Когда мы узнали, что она покинула Карайман, я отправил Лупу и Магнуса в замок, потому что я давал ей на это разрешения.

Лупа, скрестив руки, прислонилась к каменной стене. Ее лицо оставалось в тени.

– Где ты ее нашла? – спросила я.

– В лесу, который окружает замок. Она лежала в яме, ее не потрудились особенно спрятать. Убийца либо спешил, либо плевать он хотел, найдут ее звери или нет.

Меня охватила дрожь при мысли о том, что пришлось пережить этой девушке.

– В горах много волчьих стай, – безжалостно продолжала сестра. – Еще одна ночь, и от нее бы ничего не осталось. И

тогда мы бы решили, что она ушла от нас по собственному желанию.

– А часто случается, что кто-то покидает ковен? Вот так просто? – спросила я.

Лупа сердито помотала головой:

– Крайне редко, и у нее не было причин уходить. – Она с вызовом посмотрела на нашего дедушку, как будто ожидала, что он расскажет больше.

Однако тот обратился ко мне:

– Попробуй применить свой дар. Возможно, мы узнаем больше.

– Я не могу ничего обещать. – Несмотря на свой скепсис относительно того, что у нас что-то получится, я шагнула к столу. – Ты ее лучше знала, чем Кирилл? – я задала вопрос Лупе, чтобы еще чуть-чуть потянуть время. София вряд ли могла быть старше меня, и ее волосы напоминали мои. Еще одна вещь, которая нас связывала.

– Мы вместе обучались магии, но не дружили.

У Лупы вообще есть друзья, или она так же одинока, как я? Ладят ли они с Кириллом?

– Тебе следует еще кое-что знать, возможно, тебя это подстегнет.

Когда она спустила саван еще ниже, обнажив спину Софии, я с трудом сдержалась, чтобы снова не ахнуть. Ее не просто убили. Ее мучили, причем до тех пор, пока спина не превратилась в кровавое месиво. Прижав руку ко рту, я от-

вернулась, чтобы меня не стошнило.

– Говорила же, что это неприятное зрелище. – В голосе Лупы ясно слышалось злорадство от того, что ей удалось меня ошарашить.

Кирилл сунул мне в руку мешочек.

– Понюхай это. Тошнота пройдет, – резко сказал он.

Я прижала мешочек к носу, почувствовала запах лаванды, аниса и фенхеля и с облегчением вдохнула.

– Кто творит такое и почему?

– Нам бы тоже хотелось знать, – откликнулась Лупа. – Мы понятия не имеем.

Желудок относительно успокоился, и я осмелилась снова повернуться. Внимательно взглянула на раны.

– Это круг?

– Нет, хотя на первый взгляд так и кажется. Кто бы это ни совершил, он точно знал, что делал, – пояснил Кирилл. – Видишь вот это? – он указал на особенно сильно изуродованный участок.

Я наклонилась чуть ниже, заставив себя осмотреть весь масштаб повреждений.

– Это зубцы. У нее на спине вырезали ритуальный знак?

Даже не глядя на Кирилла, я поняла, что тот кивнул:

– Именно.

– А потом его уничтожили, чтобы скрыть улики? – догадалась я.

– Да. Вот почему теперь его плохо видно. Вероятно, им

не хватало времени, и они не смогли закончить. Но тут еще можно различить следы нескольких выступов.

Я выдохнула и тихо посчитала до семи:

– Это гептаграмма.

– А ты, по крайней мере, не глупая, – произнесла Лупа. – Очевидно, время среди людей прошло не совсем впустую.

Раду, который до сих пор молчал, вздохнул:

– Лупа. Твои остроумные замечания нам не помогут.

– Почему именно гептаграмма? – спросила я сразу у всех.

– Она объединяет все энергии Вселенной, – ответил Кирилл. – Связывает между собой все миры, известные и неизвестные, видимые и скрытые. Магия семиконечной звезды несоизмеримо мощна. А они еще больше увеличили ее силу. Видишь темные пятна? – брат указал на сероватые пятна на и без того серой коже.

– Это... – я осеклась, поскольку даже мысль оказалась чересчур ужасна. – Ожоги?

– Да. Они использовали не только энергию Вселенной, но и попытались укрепить чары с помощью силы элементов. Каждый из семи зубцов олицетворяет планету, а каждой планете присвоен определенный элемент. К Сатурну, например, относится свинец. К Юпитеру – олово и так далее.

Судя по всему, убийцы Софии раскалили соответствующие металлы, чтобы нанести эти раны, и она умерла в страшных муках.

– Чего они этим добивались? – это черная магия, о кото-

рой я ничего не знала.

– Мы предполагаем, что кто-то пытался похитить ее магию, – ответила Лупа.

– Она была настолько сильна?

– Нет, – вновь вмешался дедушка. – Пусть София и была одаренной, но мы считаем, что кто-то просто проводил эксперимент. Ее убийцы всего лишь хотели выяснить, смогут ли они забрать ее магию.

Я в недоумении взглянула на него. Это жестоко и нелогично. Мысль о том, чтобы перенести магию одного существа в другое, представлялась мне настолько беспощадной, что сама магия наверняка бы этому воспротивилась.

– Видимо, ее убийца думал, что у Софии более мощный дар, чем казалось на первый взгляд. Она умерла до того, как они достигли своей цели, – объяснила Лупа. – И если мы не выясним, кто это, то они, вероятно, попробуют снова. С другой викканкой.

– Должно быть, это ведьма или ведьмак, – сказала я.

– Какой-нибудь кровопийца теоретически тоже мог попытаться, – прошипела она. – Они же умеют читать.

– Этот ритуал мог провести только тот, у кого много собственной магии, – встрял в разговор Кирилл. – Так что стригоев можно исключить.

– О, прошу тебя, – язвительно протянула Лупа. – На самом деле ты хочешь исключить только одного. Хотя прекрасно знаешь, что он не невинный ягненок.

Когда Кирилл напрягся возле меня, мой взгляд с любопытством заметался между братом и сестрой. Выходит, есть стригой, которого Кирилл знал так хорошо, что пытался его защищать. Перед моим внутренним взором возникло лицо Николая. Трудно представить, что мужчина, который вел себя со мной так нежно, способен на подобную жестокость. Но разве я, несмотря на это, не подозревала его в сговоре с королевой ведьм? Но... что бы он получил, похитив магию викканки? Стригой скорее выпил бы кровь. Однако никаких укусов не видно.

– Я попытаюсь, – решительно заявила я.

Лицо Кирилла стало совершенно бесстрастным, но я ощутила новую энергию, которая от него исходила. Весьма похожую на страх. Он взял Софию за руку и осмотрел обломанные ногти.

– Может, раньше я мог бы...

– Только не делай ничего безумного. Она мертва, – сказала Лупа.

– Я знаю, – огрызнулся на нее брат, и страх превратился в холодную злость.

– А что такого безумного он мог сделать? – мой взгляд переместился на Раду, который поразительно мало вмешивался, но внимательно наблюдал за нами. На его губах играла едва заметная улыбка. Будь он человеком, я бы заподозрила, что он получал удовольствие от нашей перебранки. Однако в этом нет смысла. Ведь мы все в одной упряжке.

– Кирилл пытается исцелить всех, невзирая на степень безнадежности случая, но даже он не в силах вернуть мертвого к жизни, – ответила Лупа.

Значит, он действительно унаследовал талант матери. Наверняка наш брат стал потрясающим целителем. Интересно, Радуга разрешил ему учиться у кого-то из старших целителей? Кирилл был еще маленьким, когда умерла мама, но уже тогда он обладал значительными знаниями.

– Я не могу ее вернуть, а даже если бы и... Я бы не сумел исцелить ее полностью. Они сломали ей позвоночник. Она не смогла бы ходить. – У него в глазах отразилась боль, однако всего пару секунд спустя он вновь превратился в холодного молодого человека, каким казался с момента нашего воссоединения.

– То есть всю жизнь зависела бы от нашей помощи, – добавила Лупа.

– И мы бы с удовольствием ее оказывали, – произнес Радуга.

– Разумеется. – От резкости в его голосе глаза Лупы сузились.

– Возможно, мы узнаем больше, если у меня получится попасть в ее воспоминания.

– Мы многого от тебя просим, – откликнулся дедушка. – Если бы я знал другой способ, то предпочел бы его.

– Все в порядке, и это меньшее, что я могу для нее сделать. Я осторожно взяла ладонь Софии. Ее кожа была сухой и холодной. Вторую руку я положила на ее истерзанное тело.

Затем сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Я не знала, что меня ожидало. Знала лишь, что с живыми мне относительно быстро удавалось проникнуть в их память. В детстве мне нравилось иногда брать Кирилла за руки и воскрешать наши общие воспоминания. Лупа ненавидела, когда я пробовала проделать то же самое с ней, и ни мама, ни папа не разрешали повторять это с ними. Отец взял с меня обещание осторожно обращаться со своим даром, и я держала слово. По крайней мере, чаще всего. В случае с Софией я сперва ощутила лишь бездонную пустоту. Ее душа давно отлетела, и я надеялась, что до перерождения она обретет покой в стране вечного лета. Наша вера запрещала мстительные мысли, однако я ничего не могла с собой поделать и желала невыносимой боли тем, кто сотворил это с ней. Раду, успокаивая, положил ладонь на мое плечо, и я наполнилась умиротворением. Благодарная за поддержку, я едва заметно кивнула и подавила порыв отдернуть пальцы от мертвого тела. Кожа Софии нагрелась в моих руках. Я погрузилась в глубокий транс и отправила свое сознание в полет. Продвигалась сквозь слои света, которые становился то ярче, то темнее, пока не шагнула за завесу. Мгновение я колебалась, стоит ли идти дальше, боясь того, что ждало меня за завесой, но потом вновь почувствовала успокаивающую тяжесть дедушкиной руки. И я двинулась дальше. Память – часть не только души, но и тела. Я один раз глубоко вдохнула и выдохнула через рот.

– Она в какой-то гостинной, – сказала я, когда пелена све-

та поднялась и дала мне увидеть воспоминания Софии ее глазами. – Довольно просторной. Стены обиты панелями из темного дерева. На арочных окнах – свинцовые переплеты, – медленно продолжала я, разглядывая бархатные шторы, мягкие ковры и мебель из темного вишневого дерева.

– Ты в Караймане, – прошептал Кирилл.

Я кивнула, подтверждая, что услышала его.

– Она не одна. Там есть и другие. Они общаются. – Я различала виккан из разных ковен по цветам их плащей. – Несколько стригоев играют в бильярд с... парой ведьмой.

– Кто угодно может прийти в Карайман, – негромко напомнил мне Раду. – В этом месте все равно, к какому народу ты принадлежишь. Оно нейтрально. Насилие и магия внутри запрещены.

– Только магия, которая ранит, – поправила его Лупа. – В Караймане никто не имеет права причинять вред другим.

Слушая их объяснения, я продолжала осматриваться. София сидела у камина. В этой девушке чувствовалась искра жизни и то, что она счастлива. И тем не менее сейчас она, мертвая и холодная, лежала на этом столе.

– Что еще ты видишь? – спросила Лупа.

Я сделала глубокий вдох:

– Она сидит на диване и читает книгу. Заходят две ведьмы, и она машет им рукой. Похоже, это ее подруги.

Лупа издала презрительный звук, но я не обратила на него внимания.

Теперь София встряхнула рыжими локонами и одной рукой покрепче затянула зеленый плащ вокруг своего кремового платья. Перед ней на низком столике стояла чашка горячего шоколада. Она пила его маленькими глотками и не очень-то незаметно поглядывала на молодого человека, который сидел в кресле за соседним столом и играл в шахматы. Он оказался стригоем и носил форму. Словно почувствовав ее взгляд, парень поднял голову и дерзко ей улыбнулся. Его волнистые рыжие волосы были коротко подстрижены, а очень светлая кожа усыпана веснушками. В темно-синих глазах показались золотые ободки. София улыбнулась, когда эти ободки сверкнули. Я спросила себя, кто он такой и в курсе ли, что она мертва. Напротив него сидел еще один мужчина с седыми волосами до плеч, хотя он вряд ли был намного старше меня. В раскосых серых глазах, подчеркивающих высокие скулы, плясала ирония. На нем была такая же старомодная рубашка, как на Николае в нашу первую встречу.

– Ее верховный жрец не обрадуется, если узнает, с кем она тут флиртует, – тихо заметил он, но София все равно услышала, и я ощутила ее возрастающее беспокойство.

– Да, не будет. – Рыжий передвинул своего коня, после чего вновь пристально посмотрел на Софию. – Но меня не волнует, что думает старик по этому поводу. А ты лучше сконцентрируйся на игре.

– Я всего лишь сказал. Просто ведите себя осторожнее. –

Он сделал ход королевой. – Шах.

Разумеется, я знала, что в Ардяле царил мир, но то, что виккане, ведьмы и стригои так непринужденно общались между собой, поражало. Прежде всего потому, что Лупа излучала такую неприязнь.

– Что теперь происходит? – Лупа чуть не вывела меня из транса. – Говори с нами. Описывай. Кто с ней? С кем она разговаривает?

Мне не хотелось рассказывать ей, что София явно влюбилась в стригоя, но каждая, даже самая незначительная зацепка могла вывести нас на убийцу.

– В комнате много людей. Никто не выглядит враждебно. Наоборот. Нет никаких ссор, – увильнула я. – Сейчас рядом с ней садится ведьмак.

– Иван, – поздоровался с рыжим стригоем вновь прибывший. – Алексей, не хотите позже сходить в лес?

– Почему бы нет? – ответил Иван. – А ты тоже пойдешь? – он повернулся к Софии.

Та с сожалением покачала головой:

– Я пообещала Мелинде, что соберу для нее еще кое-какую информацию.

– Жаль. Но может, у тебя получится подойти позже, – предложил Иван.

Она кивнула:

– Я постараюсь.

– София должна что-то подготовить для какой-то Мелин-

ды, – вслух доложила я. – Кто это?

– Мелинда Дюмонт – это директриса Караймана, ведьма. – Хватка Раду на моем плече усилилась. – Что ей нужно для нее сделать?

– Она не сказала. Возможно, узнаю позже. Она встает. – Иван тоже вскочил, и вскоре после этого молодые люди поднялись по широкой лестнице. Они не разговаривали между собой, однако их руки то и дело касались друг друга. – Идет по узкому коридору, – наконец сообщила я. – С ней рыжий стригой. Кажется, они дружат.

– Тебе известно его имя? – уточнил Кирилл.

– Иван.

Лупа тихонько присвистнула:

– Главнокомандующий Лазарей. Кто бы мог подумать. Она казалась такой тихоней. Несмотря на свои выдающиеся способности.

– Тихо, – шикнул Раду. – Не мешайте Валеа болтовней.

– Иван держит ее за руку, – сказала я. Он взял ее, после того как убедился, что они одни. – Теперь провожает до комнаты.

София не пригласила его войти, но я почувствовала, как забилось ее сердце, когда он наклонился вперед. Осторожно, будто не хотел ее напугать.

– Не бойся, Соф. Я никогда ничего тебе не сделаю, ты ведь это знаешь, правда?

Она медленно кивнула, когда его губы приблизились к ее.

Закрыв глаза и вдохнув ее запах, он поцеловал ее только в щеку. Момент выглядел настолько интимным, что мне почти стало стыдно за свое присутствие.

София положила руки ему на талию и уткнулась лбом в его грудь.

– Прости, – шепнула она.

– Не извиняйся. Твой верховный жрец все равно бы этого не потерпел. – Парень безрадостно рассмеялся.

Я не стала передавать эту фразу, потому что никак не могла взять ее в толк. С кем встречаться Софии – исключительно ее дело. Ни один викканин не в праве диктовать другому, кого ему любить. Это противоречит всему, во что мы верим. Верховный жрец лишь направляет нас на пути веры, в остальном же он не имел права решать ни за кого из виккан. Почему она ему об этом не скажет?

– Хорошо, что ты осторожна, – продолжил Иван.

– Но мне бы очень этого хотелось.

– Однажды ты позволишь мне тебя поцеловать. Я терпелив. – Стригой прижался губами к ее лбу, а затем София скрылась в своей комнате.

– Сейчас она в спальне, – озвучила я.

– А куда пошел кровосос? – поинтересовалась Лупа.

– Не знаю. Я вижу лишь то, что видела София. Она зажигает несколько свечей. В комнате две кровати, письменный стол, а еще очень холодно.

София шагнула к шкафу. Повесила в него зеленый плащ

нашего ковена и вытащила оттуда черный, что показалось мне странным. Вытащила из-под подушки книгу. Том выглядел довольно старым. Девушка прокралась к двери, слегка ее приоткрыла и поспешно захлопнула, когда раздались шаги. Сердце судорожно колотилось у нее в груди. Что бы она ни задумала, это ее пугало. Через пару минут викканка опять приоткрыла дверь. На этот раз ее встретила тишина, и она выскользнула наружу, крепко прижав к груди книгу. Чувствовалось, что ее мучает совесть.

– Она вышла из комнаты. Вид у нее виноватый, и она чего-то боится.

София шла по лабиринту извилистых коридоров и лестничных пролетов. Замок был огромен, а по различным элементам декора и орнаментам на арках, переходящих в потолки, я догадалась, что его снова и снова расширяли в разные эпохи. Судя по уверенным движениям, София не в первый раз шла этой дорогой. Я вкратце описала остальным, что она делала.

– Она одна? – спросил дедушка. – Ты видишь где-нибудь Мелинду?

– Нет. Она одна. Сейчас она идет по своего рода мосту между двумя башнями.

Старая дверь, которую распахнула девушка, когда добралась до конца моста, скрипнула петлями. Проход, в котором она оказалась, освещало несколько факелов. Викканка быстро оглянулась, словно проверяя, что ее никто не преследо-

вал. Ладони у нее вспотели, и тем не менее она вошла в башню. Ускорив шаг, София почти побежала к помещению, которое, судя по всему, и было ее целью. Оно напоминало заброшенную лабораторию. Вдоль стен стояли переполненные стеллажи с книгами, а посередине – большой рабочий стол. На нем обнаружился дистиллятор и множество стеклянных колбочек. София на них даже не взглянула, а целенаправленно устремилась к старому гобелену. Искусно сотканный ковер тянулся почти во всю ширину стены.

– Она приподнимает гобелен, – нахмурившись, рассказывала я. И при этом я так отчетливо ощущала страх девушки, как будто находилась с ней рядом. Мне хотелось предупредить ее, однако для этого уже слишком поздно. – София отодвигает его в сторону и что-то нащупывает.

Я ахнула, когда там, где секунду назад стояла лишь стена из серого камня, в сторону отъехала какая-то дверь. София без колебаний протиснулась туда, как только проход стал достаточно широким, и скрылась в темноте. Потайная дверь захлопнулась, и от меня ускользнула нить ее воспоминаний. Меня вышвырнуло из ее тела, и если бы Раду не поддержал меня, я бы упала.

– Твоя магия столкнулась с защитными чарами, – качая головой, пояснил дед. – Во что же ввязалась эта девочка?

– Вы говорили с этой Мелиндой Дюмонт? – обратилась я к Лупе. – Или с другими посетителями замка?

– Только с Мелиндой, – угрюмо отозвалась сестра, оче-

видно, не очень-то довольная крупными порциями информации. – Она сообщила нам, что София покинула Карайман. Якобы по собственному желанию.

– А что она сказала, после того как вы нашли Софию?

– Ничего. Она об этом не знает. Мы перенесли труп сюда, а Мелинде сказали, будто София почувствовала, что не справляется, и вернулась в Раску.

– Она поверила?

– Вчера прислала ее вещи. Пока мы не узнаем больше, никто не должен знать, что произошло с Софией, – произнес Радуга с еще большей резкостью в голосе, чем прежде. Недвусмысленный приказ хранить молчание.

Я кивнула, хотя и не понимала такого подхода:

– А Мелинда не упоминала об особом задании, которое дала Софии?

Лупа качнула головой:

– Я тоже не знаю, что София могла делать для этой ведьмы. Можешь попытаться добраться до более ранних воспоминаний или более поздних? Пока то, что ты видела, не особенно помогло.

– Могу попробовать, – с неохотой согласилась я и опять положила ладони на тело Софии. Впрочем, несмотря на все мои усилия, проникнуть сквозь завесу света в ее память больше не получалось. Измотанная после третьей неудачной попытки, я убрала руки. Без понятия, в ком тут дело – во мне или в Софии.

– Во что была одета София в воспоминании, которое ты увидела? – спросил Кирилл, пока Лупа сердито бурчала что-то себе под нос.

– В кремовое платье и черный плащ.

Он подошел к стулу возле стены и поднял какой-то кусок ткани:

– Вот это?

– Да. – Ткань оказалась перепачкана и разодрана.

– Значит, это воспоминания ее последнего вечера, – сказал он севшим голосом. – Она больше не возвращалась в замок. – Кроме платья, на спинке стула висел черный плащ. – Она была завернута в него, когда мы ее нашли.

– Тогда нужно исходить из того, что более поздние воспоминания заблокированы, – заметил дедушка. – Кто бы ни сотворил такое с Софией, он или она заранее спланировали преступление и заманили ее в ловушку.

– Нам надо поговорить с этим Иваном, – предложила я. – Он может знать, что с ней случилось.

Лупа сухо засмеялась:

– Конечно, можем прямо его спросить, понравилось ли ему мучить Софию.

– Не думаю, что это он, – возразила я твердым голосом, сама не зная, откуда эта уверенность. – Там был еще один ведьмак. Он спрашивал, пойдут ли они втроем в лес.

– Кого ты имеешь в виду? Кто эти трое? – спросила Лупа. – И как выглядел ведьмак? Ты знаешь имена?

– Стригоя, который играл с Иваном, зовут Алексей, а у ведьмака короткие русые волосы, ярко-зеленые глаза и много шрамов на лице, – описала мужчину я.

Лупа задумчиво кивнула:

– Это Ярон Валери. Не удивлюсь, если он тут замешан. Его мать – одна из ближайших советниц королевы ведьм. Я не знала, что он в этом году в Караймане. Если хотите знать мое мнение, то все свои деньги я ставлю на него.

– Их не так уж много, – рассеянно пробормотал Кирилл.

– Алексей тоже на самом верху моего списка, – прошипела она.

Кирилл лишь сглотнул и сжал руки в кулаки.

– Мы никого не будем официально обвинять, – резко оборвал их спор Радуга. – Если сделаем это, то только сыграем на руку королеве. Она ухватится за любую возможность разорвать пакт и переложить вину на кого-нибудь другого. До сих пор каждая из войн начиналась именно так. Нужно быть очень осторожными.

– Но ты считаешь, что ее возвращение и смерть Софии связаны? – задала ему вопрос я.

– Конечно. Она что-то замышляет, и это нехорошо. Мы должны сохранить наш союз со стригоями. Мир сегодня важнее, чем когда-либо.

– Не нужен мне никакой мир, – прошипела Лупа. – То же самое они сделали с нашим отцом, и настало время за него отомстить.

– Что ты сказала? – спросила я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– Ты не знала, да? Ах, ты же спряталась в какой-то яме и ждала, пока тебя спасут. – Она буквально выплюнула эти слова мне в лицо. – Я оставалась рядом с ним, а ты... его любимица... просто сбежала.

– Хватит, Лупа. – Впервые с момента моего прибытия Радуга действительно повысил голос, который сейчас прозвучал как удар хлыста в этом холодном помещении. – Валеа была маленьким ребенком. Она ничего не могла сделать.

– Я тоже была ребенком, – снова выплюнула она. – Вместе мы бы сумели их спасти.

– Чушь. Ликаны Селесты разорвали бы вас на части живьем, а ваши родители этого не хотели. Если кто-то и виноват, то они. За стенами Раски убийцы никогда бы вас не нашли.

– Ликаны убили наших родителей? – спросила я, и голос у меня дрожал от гнева. – Почему я этого не знала?

– Потому что это неважно, – рявкнул на меня дедушка. – Если бы я тебе рассказал, что бы это изменило?

Беспомощно пожав плечами, я взглянула на Кирилла, который избегал моего взгляда. Ликаны – это проклятые в волчьем обличье. Они жили как изгои, и в прошлых войнах разные стороны неоднократно вербовали их в качестве наемников. Они не знали, что такое верность, и служили тем, кто больше заплатит. Соответственно королева ведьм даже рук

не запачкала, когда приказала убить наших родителей.

– Что ты имела в виду, когда говорила, что они то же самое сделали с нашим отцом? – произнесла я дрогнувшим голосом.

Лупа закатила глаза из-за моей непонятливости, но мысль о том, что папа страдал так же, как София, была ужасна.

– То, что и сказала. Они вырезали гептаграмму у него на спине. Я это видела. Собственными глазами.

– Мне так жаль, – прошептала я.

Столько раз я пыталась вспомнить ту ночь и всегда наталкивалась на стену из мерцающего черного оникса. Видимо, подсознание позаботилось о том, чтобы ужасы той ночи оставались во тьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.